

СПА-ЧИСТИЛИЩЕ

р о м а н

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы

СПА-чистилище

Серия «Авантюристка», книга 9

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158975

Аннотация

Ходасевич, отставной полковник спецслужб, едва скрывал раздражение – бывшая жена позвонила ему среди ночи и попросила найти ее подругу Аллу Долинину! Женщина все лето одиноко жила в подмосковном дачном поселке, а два дня назад ушла из дома и исчезла. Заскучавший на пенсии полковник все же взялся за расследование. Его сразу насторожило поведение некоторых соседей Аллы, особенно ее задушевной подруги – художницы Любочки. Она рассказала, что пятнадцать лет назад так же необъяснимо исчез муж Долининой, и Ходасевич понял: семья Аллы многое от него скрыла.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	35
Глава 3	65
Глава 4	90
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Анна и Сергей Литвиновы SPA-чистилище

Все события, персонажи, места действия, описанные в романе, являются исключительно плодом авторского вымысла. Никакой связи с действительными событиями, людьми, местом действия и прочими проявлениями реальной жизни роман не имеет.

Глава 1

Звонок разбудил Ходасевича в половине второго ночи. По старой комитетской привычке полковник никогда не отключал свои телефоны – несмотря на то, что по делам службы ему не звонили уже несколько лет.

Валерий Петрович глянул на определитель: бывшая жена, Юлия Николаевна.

«Вот вздорная баба», – выругался про себя полковник и снял трубку.

– Юлечка, неужели трудно запомнить, – сказал он без всяких приветствий, – что в это время суток я сплю?!

– Как ты можешь спать, когда такое творится!..

– Что случилось?

– Пропала Алла Михайловна!

Ходасевич поморщился и протянул с досадой:

– Господи, кто такая Алла Михайловна?

– Как же ты не помнишь?! Это моя подруга, Алла Долина! Я у нее несколько раз на даче была, а еще мы с ней плавали в круизе по Волге...

– Сочувствую.

– И это все, что ты можешь сказать?!

– А что ты хотела услышать?

– Как ты не понимаешь!.. Надо же что-то делать!

– Юля, в нашем государстве пока еще есть милиция.

– Что она может, твоя милиция!..

– Согласен – немного. Но почему ты звонишь мне? При чем здесь я?

– Как!.. Ты служишь в такой организации, и еще говоришь, при чем ты!..

– Служил, Юля, служил!.. Глагол прошедшего времени – ты не чувствуешь разницы?

– Да перестань!.. Все вокруг знают, что *бывших* комитетчиков в природе не бывает!..

Валерий Петрович стал потихоньку закипать. Не по-настоящему – его на всю жизнь научили контролировать свои эмоции. Но порой вспышка *управляемого гнева* способна подействовать на собеседника отрезвляюще. Особенно – на его бывшую супругу.

– Юля, что происходит? Чего ты от меня хочешь?! Сейчас, ночью, в половине второго?! Что тебе от меня надо?! Чтобы я бросился искать твою подругу?! Неужели ты не понимаешь, что это просто глупо?! Зачем, объясни, ты мне звонишь?!

Как случилось уже тысячу раз, после яростной отповеди экс-жена тут же пошла на попятную:

– Валерочка, ну что ты кипятишься? Кому же мне еще звонить? Все знают, что ты всегда помогаешь нашей Тане!

Ходасевич прорычал:

– Таня – это одно. Она мне как дочь. А какая-то неведомая Алла Михайловна – совсем другое!

– Но ведь все знают, что именно ты раскрыл то убийство!.. В семье этих, как их... Конышевых¹...

– И очень плохо, что все знают!.. Очень, очень плохо, что ты столь невероятно болтлива!

Юлия ответила весьма сухо:

– Вот что, Валера. Перестань меня воспитывать. Я уже, слава богу, давно не твоя жена.

– Так ведь это *ты* звонишь мне среди ночи!.. И что же ты хочешь услышать в ответ? Признания в любви?

– Я хочу, чтобы ты взялся за это дело. Я сердцем чую: с Аллой Михайловной случилось что-то неладное... Дай-то бог, чтобы она оказалась жива...

Право слово, бывшая супружница может вывести из себя так, что гаркнешь, уже почти и не контролируя свои эмоции:

– Как я могу взяться за это дело?! Я тебе что – милиция? Или, может, сыскное агентство Ната Пинкертон?

– Валера, я тебя прошу!.. Алла ведь немолодая женщина. Моя подруга. С ней случилась беда, я чувствую. Как ты можешь быть таким бессердечным?!

– Нет, Юлечка.

Голос бывшей супруги стал умоляющим.

– Ну, я прошу тебя, Валерочка!..

– Нет, Юля. Нет.

– Вот что, Ходасевич. У тебя совершенно нет сердца. Вме-

¹ Подробнее об этом деле можно прочитать в романе Анны и Сергея Литвиновых «Дата собственной смерти».

сто него у тебя, как у всех чекистов, — настоящая ледышка...

Полковник не стал дослушивать и наконец прекратил разговор — столь же бестолковый, сколь и бесполезный.

— Доброй ночи, Юля.

Он положил трубку.

Сна словно и не бывало.

Валерий Петрович вздохнул, выбрался из-под одеяла и потащил свою семипудовую тушу на кухню — заваривать чай, включать телевизор.

Когда пришла пенсия, его сон, на который он раньше никогда не жаловался, совершенно разболтался. Дай бог, снова заснуть к утру.

И правда: он бродил по квартире до четырех, смотрел телевизор, курил и чаевничал. Потом наконец улегся. Перед тем как залезть под одеяло, изменил-таки многолетней привычке — выключил оба телефона — и мобильный, и домашний. Бывшая жена известная сова — может не спать ночь напролет, в пять утра чего-нибудь надумать и снова ему позвонить. С нее станется.

Проснулся Ходасевич уже около одиннадцати, когда осеннее солнце проникло в щель меж небрежно задернутыми гардинами и стало светить прямо в глаза.

Пора начинать новый день — не очень, правда, ясно, ради

чего. Или ради кого.

То утро Валерия Петровича было похоже на сотни других его утр. Ничем не примечательная пенсионерская тягомотина. Чашка растворимого кофе, первая сигарета, подобие зарядки. Затем тщательное бритье и душ. Потом завтрак – овсяная каша, омлет с беконом, йогурт. Ходасевич всю жизнь придерживался правила, что утренний прием пищи должен быть наиболее калорийным: чтоб на весь день энергии хватило. Беда состояла только в том, что ближе к пенсии и обед его, и ужин, и даже порой полдник стали не уступать по сытости первой трапезе. Оттого и разнесло полковника сверх всякой меры.

Покушать он всегда любил. Да и готовил мастерски. Жаль только, что с годами мало находится желающих разделить с ним хлеб-соль.

За кофе, зарядкой и завтраком полковник по привычке, приобретенной еще в краснознаменном институте, смотрел новости. Как только закончилась одиннадцатичасовая программа «Вести» по российскому каналу – он переключился на «События» по ТВЦ, а там и новости по первому каналу успели. Все как в юности. Тогда они с Маратом прибыли в первую командировку в Париж. Ходасевичу, зеленому двадцатидвухлетнему юнцу, досталось, сидя в советском посольстве, штудировать буржуазные газеты под размеренное бубуканье черно-белого «Грюндига». У Марата было задание поинтересней. Марат всегда на полшажка опережал, в

смысле карьеры, Валеру. Интересно, где он сейчас?..

С тех пор минуло сорок лет, и странное дело – и физически, и интеллектуально Ходасевич чувствовал себя сейчас совершенно так же. Разница заключалась лишь в том, что куда-то делись волосы, появилась одышка и вырос живот.

А утренний просмотр новостей, которым он себя по-прежнему изводил, стал теперь ровным счетом никому не нужен. И сегодня никакие ни посол, ни резидент не спросят с него ежедневного обзора средств массовой информации страны пребывания.

Тоже, если вдуматься, неплохо. В пенсии есть положительные стороны. Никому не подчиняешься, ни перед кем не отчитываешься.

Безграничная свобода. Страшная вещь.

Отечественные новости на разных каналах походили друг на друга, как братья-близнецы. Одинаковые события, прокомментированные одинаковыми словами.

И ведущие (почему-то сплошь дамочки) сходились, словно клоны, выращенные в одной пробирке. Все – напроць лишены малейшей сексуальности. У всех – одинаковый имидж: учительница средней школы – строгая, но справедливая. Так и кажется, что она вот-вот начнет объявлять оценки за контрольную.

А мальчики-корреспондентки, что по прямым линиям рапортовали о событиях, произошедших в стране и мире, напоминали первых учеников, зубрил и отличников, отвеча-

ющих перед училкой старательно выученный урок. Все как один румяные и в очочках.

Короткий российский период *гласности, свободы слова и плюрализма* снова сменился редким единообразием умов.

«Старческое брюзжание, – подумал Валерий Петрович. – Что я к ним прицепился? Не иначе оттого, что сам не у дел. И мозгов для работы хватает, и опыта, и сил – да только никому они не нужны».

По привычке, приобретенной уже в последние годы, с особым вниманием Ходасевич просмотрел по ТВ криминальную хронику. Вчерашний день и нынешняя ночь оказались урожайными на уголовные напасти.

Наемные убийцы застрелили одного из руководителей Российского Центробанка. Убийство произошло вечером, в то время, как банкир шел к своему автомобилю после футбольного матча с коллегами. Заодно убили и банкирского шофера. Правительство на своем заседании почтило память погибшего минутой молчания...

А вот и другой криминал, рангом поменьше: избит и ограблен известный актер, возвращавшийся поздно вечером домой после спектакля.

А в городе Вольском Саратовской области произошла массовая драка на танцах. Руководители области заверяют, что столкновения случились не на межэтнической, а на бытовой почве. В последнее время выражение «не на межэтнической, а на бытовой почве» стало звучать в российских

СМИ как заклинание. Верный знак того, что власти пуще огня боятся расовых волнений. И понятия не имеют, как их предотвратить.

У Валерия Петровича сразу появились свои соображения и по поводу расследования убийства банкира, и по части нападения на актера. Имел он собственное мнение и о том, кто и зачем разогревает в провинции межнациональные распри. Беда заключалась в том, что взгляд полковника на происходящее больше никого не интересовал.

Служба перестала привлекать отставника Ходасевича к аналитической работе после того, как погиб его куратор полковник Гаранян². Скорее всего, о нем попросту забыли. Бюрократии, волокиты и неразберихи в родном ведомстве хватает.

Жизнь резко поскучилась. И по карману вынужденное бездействие, чего там греха таить, ударило. Однако Валерий Петрович считал унизительным напоминать о себе. Всю жизнь он придерживался правила, заповеданного отцом-генералом, пограничником, попавшим под горячую руку Хрущеву в пятьдесят седьмом: от службы не отказывайся, на службу не напрашивайся. Не из-за верности ли сим принципам отец доживал свой век в отставке, никому не нужный, на скромной дачке под Питером?.. Так же, как нынче Ходасевич коротает свои пенсионерские дни в одиночестве, в ску-

² Подробнее о расследовании этого убийства можно прочесть в детективном романе Анны и Сергея Литвиновых «Предмет вожеления №1».

ной московской квартирке?

И тут снова позвонила бывшая жена.

Голос у Юлии Николаевны на сей раз был сладчайшим и мягко-просительным.

– Валерочка! Я тебя умоляю! Помоги найти нашу Аллу Михайловну! Ее дочка просто места себе не находит!

– Что я могу сделать?

– Валерочка, ты хотя бы встретиться, поговори с ней!

– С кем?

– Ну, с дочкой.

– Зачем?

– Ведь ты же у нас такой проницательный!

– И что дальше?

– Ты, конечно же, сможешь подсказать ей, как действовать, что делать... Ты любого Ниро Вулфа за пояс заткнешь... Пожалуйста, я тебя очень прошу... Ведь это только одному тебе по силам... Ты ж у нас такой умный!..

Воистину, лезть способна добиться своей цели там, где бессильны угрозы, мольбы или подкуп. И даже человек, понимающий, что ему грубо льстят – как в данном случае Валерий Петрович, порой не в состоянии устоять перед очарованием неприкрытых похвал. Поэтому полковник хоть и нахмурился, но буркнул:

– Господи, что ж с тобой сделаешь... Пусть эта дочь Аллы Михайловны мне позвонит. Я поговорю с ней.

Экс-супруга не смогла сдержать радость:

– Валерочка! Дочка Аллы Михайловны сейчас находится у меня. Я сказала ей, что ты никогда не выходишь по делам из дому, и поэтому она готова приехать к тебе – в любое время, когда ты скажешь. Пожалуйста, прими ее!..

– Юля! Ну как тебе не совестно! Воистину: дай негру палец – он всю руку отхватит!..

– Валерочка! Ну не сердись! Я ведь знаю, что для вас, оперативников, очень важен личный контакт, глаза в глаза, а какой контакт может быть по телефону!..

Ходасевич только вздохнул, а Юлия Николаевна напористо продолжала:

– Пожалуйста, прими ее. Я дам Лене трубку – дочь Аллы Михайловны Еленой зовут, – и вы договоритесь, когда ей будет удобно к тебе подъехать...

* * *

И вот в тот же день, к семи вечера, ровно в назначенное время, в квартире полковника Ходасевича нарисовались гости. Именно гости – потому как дочь пропавшей явилась не одна, а с неким Стасом, коего она представила своим мужем. Стас тащил с собой огромный торт из низкокалорийных ингредиентов – с явным намеком на то, что они все вместе усядутся пить чай.

Валерий Петрович сделал вид, что намека не понял. Отправил торт в холодильник, а гостей провел в большую ком-

нату.

Комнату пришлось подготовить к визиту. Залежи книг и DVD-дисков полковник убрал с пола и кресел, полировку протер от пыли, а к пустому обеденному столу придвинул стул для гостыи и кресло для себя. Гостевой стул поставил так, чтобы закатное солнце из окна падало визитерам прямо в лицо – в то время как физиономия полковника, напротив, оказалось бы в тени. Нехитрые, однако весьма действенные сыщицкие приемчики.

Из-за того что гостей оказалось ровно в два раза больше, чем планировалось, Ходасевичу пришлось притащить с кухни табуретку. Для чего на беседу явился зять пропавшей, полковнику не пояснили.

Дщерь исчезнувшей являла собой даму лет сорока, весьма внушительной комплекции. Одета она была в недешевый деловой костюм. На крупных ее пальцах поблескивало обручальное кольцо и колечко с топазом. В ушах колыхались серьги с жемчугом. Типичная руководительница среднего звена – или, как стало модно говорить сейчас, бизнесвумен.

Муж ее Стас хоть и был на пару сантиметров выше жены, однако из-за того, что обладал худощавым сложением, казался на фоне супруги ровно в два раза меньше. И костюм его выглядел победнее, чем у подруги жизни, и галстук, судя по виду, приобретался где-то на рынке – по принципу числом поболее, ценою подешевле. Словом, мужчина в данной

паре (как это в последнее время бывает часто – даже, на вкус Ходасевича, излишне часто) занимал явно подчиненное положение.

После того как состоялась процедура представления, гости уселись. Валерий Петрович поудобней устроился в своем кресле, скрестив руки на животе, и внушительно молвил: – Итак. Расскажите мне, что случилось.

Для начала следовало дать визитерам выговориться, а потом уже начинать опрос.

Слово взяла женщина. В том, что главным рассказчиком окажется она, полковник ни на секунду не сомневался. Голос дочери пропавшей был хорошо поставленным, звучным, а речь – литературно грамотной. Ни дать ни взять – школьная завуч или же замзавкафедрой в каком-нибудь второсортном вузе. Впрочем, ее профессию и род занятий Валерий Петрович уточнит потом. Если понадобится.

– Моя мама, Алла Михайловна Долинина, находится на заслуженном отдыхе. Весь летний период, с начала мая по середину октября, она ежегодно проживает на нашей даче в Листвянке...

– Где эта Листвянка находится?

– Это старый поселок в пятнадцати километрах от Москвы. Маме там нравится, и мы со Стасом отвозим ее туда на майские и забираем в октябре. Мы ее обычно навещаем на выходные. Иногда и среди недели удастся вырваться, но нечасто – сами понимаете, пробки... Раньше в течение ле-

та она проживала в Листвянке с внуком, нашим сыном Иваном, но теперь Ванечка вырос, поступил в институт, у него другие интересы, и мамочка стала проводить там лето одна. Впрочем, сказать одна – не совсем правильно: в поселке у нее имеются знакомые, такие же пенсионерки, как она, к тому же к ней приезжают подружки из Москвы (ваша бывшая супруга Юлия Николаевна, например, бывала). Мамочка там на земле, на свежем воздухе, при деле: стрижет газоны, растит клубнику, цветочки, смородину. Мы с мужем снабжаем ее продуктами, да она и сама вполне способна полностью обслуживать себя. И купить что надо, и приготовить, и постирать...

Валерию Петровичу показалось, что в пассаже на тему «Как хорошо нашей маме на даче» в речи Елены прозвучали оправдательные нотки. Муж ее Стас сидел со скучающим видом. Вряд ли он был против того, чтобы выпроводить тещу на все лето куда подальше. И вряд ли особо переживал по поводу ее исчезновения.

– По заведенному распорядку все происходило и в текущем году, – продолжала гостя своим хорошо поставленным голосом. – Мама проживала в Листвянке начиная с майских праздников. У нее, естественно, есть сотовый телефон, и практически каждый вечер я с ней созванивалась... И вот...

Женщина то ли сбилась с накатанной колеи рассказа, то ли смена ритма была домашней заготовкой. Во всяком случае, глаза у нее слегка повлажнели.

– Позавчера вечером, в среду, я позвонила ей – а ее мобильник не ответил. «Абонент временно недоступен». Я, конечно, заволновалась, но не слишком. Мало ли, подумала, может, мама забыла трубку зарядить или случайно выключила. Однако через полчаса мне звонит Люба. (А Люба – это мамина листвянская подружка. Их участки рядом, и они очень дружат. Она художница, и вообще в Листвянке живут, как правило, чудесные люди, очень интеллигентные.) Так вот, мне звонит Любочка, изрядно перепуганная. Спрашивает: Алла Михайловна, случайно, не в Москву поехала? Нет, отвечаю, да она и не собиралась. А у меня самой, знаете ли, все внутри упало... «Что случилось?» – спрашиваю. «Не знаю, – говорит соседка, – дома вашей мамы нет, и я не понимаю, куда она делась. Мы, – говорит, – собирались вместе с нею, вдвоем, ужинать у меня дома в восемь, но она не пришла. В половине девятого (сказала Люба) я пошла к ней. У нее закрыто. Свет не горит. Где она, я не знаю...» Я спрашиваю: «Может, она ушла на станцию за продуктами?..» Хотя, конечно, это явная нелепость, на станцию мама если ходит, то всегда в первой половине дня и никогда вечером, но я действительно разволновалась, не знала, что и подумать... «Да нет, – говорит соседка, – зачем ей идти, на станцию Алла Михайловна даже не собиралась». – «Может, – я спрашиваю, – маме плохо стало, и она одна там в доме лежит?» А Люба говорит: «Нет, домик ваш закрыт. Но не изнутри, а *снаружи*. И ключи, знаете ли, лежат под половичком». (У

нас, в Листвянке, места спокойные, да и Люба рядом, поэтому мама, если куда-нибудь недалеко уходит, ключи под половичок у двери кладет. К тому же у них так заведено: если кто-то отправляется куда-то с участка или, тем более, уезжает, обязательно подругу ставит в известность, куда пошла и зачем. Может быть, для соседки купить что-то надо – или другое поручение выполнить. А в данном случае, выходит, мама моя из дому ушла, но Любу при этом в известность не поставила...) Словом, странно это все... Тогда я по телефону сказала Любе: «Берите ключи, открывайте мамин дом... Посмотрите, что там творится. А главное – попытайтесь ее отыскать. Может, ей где-то, прямо на участке или на улице, недалеко от калитки, плохо стало». Через полчаса соседка мне снова звонит: в доме все как всегда. Все прибрано, никакого беспорядка – а мамы ни в доме, ни на участке, нигде вокруг нет... Ну, тут мы с мужем схватились и поехали в Листвянку. Прибыли – уже ночь на дворе... Обшарили с фонариками весь участок: баню, сарай... Прошли пешком до станции, да разными маршрутами... Всех соседей подняли, стали расспрашивать, не довелось им видеть или слышать чего-либо подозрительное... Потом все близлежащие больницы обзвонили, морги... Но... никто ничего не видел, никто ничего не знает... Мамочка моя как в воду канула... Всю ночь мы не сомкнули глаз, утром кинулись в милицию, там написали заявление, ну да вы знаете нашу милицию, у нас и заявление-то брать не хотели, я уж и не надеюсь, что они

там палец о палец ударят... В общем, до сих пор по поводу судьбы моей матери мы пребываем в полном неведении... Я волнуюсь ужасно...

Заранее заготовленный рассказ был окончен. Женщина снова промокнула глаза платочком.

Супруг Стас во время ее монолога сохранял полную индифферентность. Скущаяще посматривал в сторону книжных полок, где громоздилась ходасевичевская гордость: почти полное собрание зарубежных детективов – от журнального Чейза, изданного еще в советское время и переплетенного в ледерин, до самоновейших романов Рут Рендалл – ими его снабжала падчерица Татьяна. Отечественные образцы жанра полковник не уважал.

Валерий Петрович с шумом выдохнул.

– Пф-ф... Спасибо. А теперь позвольте узнать: чем вы оба – каждый из вас – занимались в вечер исчезновения вашей матушки?

Он заранее решил избрать относительно жесткий сценарий опроса свидетелей. Подобный метод порой давал поразительно успешные результаты. А если гости вдруг оскорбятся и уйдут – что ж, Ходасевич свои услуги никому не навязывает. Он еще вчера знать не знал никакой Аллы Михайловны и прекрасно без нее и дальше проживет.

Как ни странно, первым на вопрос полковника отреагировал супруг Стас. Он усмехнулся – скорее добродушно, чем обиженно.

– Вы что, хотите узнать, есть ли у нас алиби?

Валерий Петрович холодно кивнул.

– Именно. Именно это я и хочу узнать.

– Ну-у...

Мужчинка в дрянном галстуке развел руками и подергал себя за кончик носа. Жена его явно не ожидала подобного жесткого поворота беседы и, казалось, впала в ступор, не зная, как реагировать. А супруг ее Стас заговорил словно по писаному. Будто заучил свой краткий спич наизусть.

– Я, если вы желаете знать, задержался на службе примерно до восьми вечера. Потом ехал по пробкам домой, поставил на стоянку свой лимузин и пришел в квартиру около десяти. Леночке тогда уже сообщили об исчезновении Аллы Михайловны.

– Кто может ваше алиби подтвердить?

– Вплоть до двадцати часов – коллеги по работе. Я, знаете ли, уходил не последним, ребята еще на службе оставались... А потом без чего-то десять меня видели сторожа на автостоянке возле дома.

– Хорошо, – кивнул полковник и обратился к его жене: – Теперь вы.

Та не стала возмущаться бестактным вопросом, лишь плечами пожала.

– Я тоже была на работе – примерно до половины восьмого, потом ехала на метро, зашла в магазин... Дома я оказалась около половины девятого, тут как раз и Любочка позво-

нила... Но неужели вы думаете, – начала она-таки гневную тираду, – что мы способны...

Ходасевич прервал ее:

– Кому юридически принадлежит дача, на которой проживала Алла Михайловна?

– Ей принадлежит. Моей маме.

Крупнотелая Леночка смотрела на полковника зачарованно, словно удав на кролика.

– Как далеко, вы говорите, расположен от Москвы дом вашей матери?

– Пятнадцать километров от кольца.

– По какому шоссе?

– По Щелковскому.

– Какого размера участок?

– Двадцать пять соток.

– Изрядно. Какого размера дом?

– Маленький. Шестьдесят квадратных метров. Там всего две комнаты. Плюс терраса.

Вопросы сыпались один за другим – и столь же быстро, будто загипнотизированная, отвечала на них Елена. Супруг с легким удивлением взирал на нее. Видимо, не часто подруга дней его суровых бывала столь покладиста.

– Дача теплая?

– Да. Есть газ.

– Удобства в доме имеются?

– Да.

– Какова рыночная стоимость вашей фазенды?

– Мы специально не узнавали, но, я думаю, тысяч двести.

– Ой ли! Думается, что все триста тысяч долларов, а то и триста пятьдесят...

Гостя не стала опровергать слова Валерия Петровича, только плечами пожала: дескать, все возможно. А полковник продолжал допрос в жестком варианте. Странно, но Леночка не возмущалась – словно была готова к подобному разговору.

– Вы – единственная дочь Аллы Михайловны?

– Да.

– То есть – единственная наследница?

– Полагаю, да.

– Почему «полагаете»? Что, ваша мать написала завещание в чью-то пользу?

– Насколько я знаю, нет.

– Отлично. Значит, в случае смерти Аллы Михайловны вы становитесь богаче, как минимум, на триста тысяч у.е.?

Елена поправила полковника, спокойно и величаво:

– Вот именно, что в случае смерти, а не в случае безвестной пропажи.

Кажется, несмотря на слезы, нервы, поиски, она успела тщательно обдумать юридические аспекты исчезновения ма-тушки. Тут Валерий Петрович не удержался от прямой провокации – когда выводешь оппонента из себя, можешь порой получить результаты, о которых и не мечтал.

– То есть вы заинтересованы в том, чтобы найти *труп* вашей маменьки...

Лена на провокацию не поддалась. Глаза ее метнули молнии, но ответила она серьезно и скорбно, поджав губы:

– Я заинтересована в том, чтобы узнать хоть что-то о ее судьбе... – И тихо добавила: – Не зря же говорят, что пытка неизвестностью – самая страшная в мире пытка...

– Это все лирика, – сделал отстраняющий жест полковник.

Он был намеренно жесток, даже жесто'к. Но женщина не возмутилась – только в глазах ее вспыхнул гневливый огонек, да губы она сжала подтверже. Не дама – кремень.

А Валерий Петрович продолжал:

– Какими заболеваниями страдала Алла Михайловна?

– Вы хотите узнать, не было ли у нее склероза?

– Я просто спросил вас, чем она болела.

– Никакого маразма у нее и близко не было. Да что вы хотите: она примерно ваша ровесница: ей и семидесяти не было. – И собеседница неожиданно нанесла ответный удар: – Но проблем с лишним весом у нее точно не имелось.

Стас метнул на супругу взгляд одновременно и восхищенный, и осуждающий. Однако полковнику эти мелкие уколы были, будто слону дробина. После того как ночи напролет, неделя за неделей допрашиваешь диверсантов в Анголе – которые готовы своей ненавистью испепелить русского и при первой возможности обрушивают на военспеца огром-

ные кулаки, – фехтовальные выпады московской дамочки были не страшнее комариных укусов.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Обычный *старческий*, – интонационно выделив последнее слово, еще раз попыталась уязвить Ходасевича Елена, – набор болезней. Гипертония. Диабет по второму типу.

– Она никогда неожиданно не теряла сознание?

– Нет.

– Не было случаев выпадения памяти?

– Нет.

– Что представляет собой эта Люба – подружка вашей матери?

Полковник решил смягчить тон вопроса и сделать несколько выстрелов наугад. Кто знает: может, при подобной пальбе в белый свет, как в копеечку, он случайно поразит какую-нибудь цель.

– Н-ну, мама старше Любаши лет на пятнадцать. И они давно знакомы друг с другом, лет тридцать, наверное. Люба художница не очень известная, но ее работы продаются, даже выставляются. Когда-то Любовь Геннадьевна сильно пила, но лет пять как завязала и с тех пор спиртного даже в рот не берет. Когда-то у нее были и мужья, и любовники, и кого только не было, однако сейчас она совершенно одна. Детей у нее нет. Вот она и привязалась очень сильно к моей матери, да и вообще к нашей семье. Живет она в Листвянке постоянно, квартиру в Москве, кажется, в былые времена пропила.

– У этой Любаши, Любове Геннадьевны, быть может, имелись основания втайне ненавидеть вашу мать? Какая-то давняя, скрытая вражда?

От Валерия Петровича не укрылось, что при этом вопросе Стас вдруг дернулся и слегка покраснел.

– Полагаю, что подобного быть не может. – Елена решительно покачала головой. – Обе они, и мама, и Любаша – женщины прямые и, если что не так, сразу выясняют друг с другом отношения.

– А что между ними случилось *не так* ?

– Ну, знаете, всякие трения бывают между соседями. Это же вам не город. Сарай, к примеру, поставишь близко к забору – уже могут начаться разборки.

– Значит, у вашей мамы случались с Любовью Геннадьевной разборки?

– Да не было ничего такого!.. Я говорю к примеру.

– Ваша мама жила одна. А ваш отец?..

– Мой папа... – Елена нахмурилась, а потом, после паузы, сказала: – Он скончался – пятнадцать лет назад.

– Вы не замечали: может, у вашей матери была какая-то тайная жизнь?

– Ну, знаете ли!.. – оскорбилась гостья. – В таком возрасте...

«Интересно, – усмехнулся про себя Валерий Петрович, – вопрос о *тайной* жизни она немедленно связала с жизнью *интимной*. Есть о чем задуматься ее супругу, малокровному

Стасу».

Однако обращать внимание собравшихся на обмолвку он не стал. Напротив, сделал вид, что намек, содержащийся в его вопросе, был понят правильно.

– А какой такой у вашей мамы возраст? – искренне удивился полковник. – От сорока пяти до семидесяти пяти – самый прекрасный возраст для женщины. Да и для мужчины тоже.

Дама ответила с величавым сомнением:

– Не знаю, не знаю, как там *у вас*, но в жизни *моей* матери мужчин я после смерти отца не наблюдала.

– Вы уверены? А может, у нее имелся сердечный друг? Допустим, там, в Листвянке? Сосед или знакомый?

Елена отрезала:

– Это исключено.

– Ладно. А скажите, не замечали ли вы в последнее время в поведении вашей матери чего-то необычного?

Гостья вскинулась:

– Что вы имеете в виду?

Полковник пожал плечами:

– Не знаю, не знаю... Например, перепады настроения? Или она вдруг стала излишне обидчива?

Дочь Аллы развела руками:

– Нет. Ничего такого.

– Или, допустим, у вас возникло ощущение, что она от вас что-то скрывает?

Дама отрезала:

– Ничего подобного. Мама все последние недели была как всегда: очень воспитанная, вежливая со всеми, спокойная, в меру веселая. Обидчивость – совсем не ее амплуа.

Муж Стас, кажется, не вполне был готов согласиться с последним заявлением – однако зятя редко бывают справедливы по отношению к собственным тещам.

– Скажите, у вашей мамы имелась собственная квартира в Москве?

Елена немедленно ответила:

– Да. Небольшая «двушка». Неподалеку отсюда, в районе станции метро «Свиблово».

– Она принадлежит ей?

– Да, единолично.

Полковник не стал комментировать, что наличие «двушки» увеличивает сумму наследства Аллы Михайловны еще как минимум на двести тысяч у.е. – однако готов был поклясться, что его последний вопрос дама восприняла именно в таком контексте.

– Вы были после исчезновения вашей матери в ее московской квартире?

Стас и Елена переглянулись.

– Нет. Но мы звонили туда. Естественно, к телефону никто не подходил.

– У вас имеются ключи от ее жилья?

– Да.

– Советую вам туда наведаться.

– Вы намекаете, что мама могла... – начала Елена, но вдруг осеклась.

– Я ни на что не намекаю, просто советую вам проверить квартиру.

Елена покорно склонила голову.

– Хорошо, мы это сделаем.

Дамочка вообще оказалась весьма властной – однако при сем довольно неглупой. Во всяком случае, она не спорила по пустякам.

– Что ж...

Валерий Петрович хлопнул по столу пухлыми ладонями, словно подытоживая разговор.

– Последний вопрос. Зачем вы пришли ко мне? Что вы хотите от меня?

Елена твердо посмотрела полковнику в глаза.

– Я хочу, чтобы вы нашли мою маму.

Ходасевич, не отводя взгляда, быстро переспросил:

– Живую или мертвую?

Елена вспыхнула, однако сдержалась и ответила тихо, но твердо:

– Я хотела бы, чтобы живую.

Тут неожиданно вступил зять пропавшей:

– Мы предлагаем вам, Валерий Петрович, пожить на даче, принадлежащей Алле Михайловне. И заняться ее поисками.

Супруга немедленно подхватила его слова. То, что она

сказала далее, явно представляло собой домашнюю заготовку:

– Вас, конечно, интересуют условия?.. Мы предлагаем вам жить в Листвянке на всем готовом – мы будем вам доставлять все продукты – и даже, по возможности, стряпать! Мы обеспечим вам все, что необходимо для жизнедеятельности и вашего расследования. В мамином домике есть все удобства, имеется телевизор... Вы там поживете. Подышите свежим воздухом, поговорите с соседями, походите по улицам... А если вы отыщете мою мать, – Елена сделала над собой усилие, и ее лицо исказила гримаска, – живую или мертвую, мы заплатим вам сто тысяч рублей...

Едва она запнулась, Стас немедленно продолжил:

– По курсу, в любой валюте: рублях, долларах, евро – как вы пожелаете. А если ваши поиски не увенчаются успехом и вы заявите, что ваше дальнейшее участие в деле бесполезно, мы компенсируем ваши хлопоты и трудозатраты...

Елена оценивающе посмотрела на полковника и добавила:

– Надеюсь, пятнадцати тысяч рублей за беспокойство в случае неуспеха вам будет достаточно?.. И мы не станем просить никаких промежуточных отчетов. Только конечный результат: найти мою маму.

Елена, да и Стас замерли в ожидании.

– Итак? – поторопила полковника женщина.

Наступил судьбоносный (как любили выражаться во времена ходасевичевской зрелости) момент.

Валерий Петрович мог сказать «нет», и все в его жизни будет идти по-старому. Одинокие завтраки перед телевизором и вкуснейшие обеды, на которые никто не приходит. Разгадывание в уме криминальных головоломок из ежедневных теленовостей – которое никому ровным счетом не нужно...

Вдобавок то, что случилось с Аллой Михайловной, навсегда (Ходасевич был уверен в этом) останется тайной. Во всяком случае, для него. Даже если дело будет случайно раскрыто (в чем полковник сильно сомневался), никто не потрудится сообщить ему, что же на самом деле произошло. А пропавшая женщина, даже если судить о ней по, так сказать, отраженному свету – рассказу дочери и зятя, – показалась Валерию Петровичу чем-то милой. И еще – ее ему было жаль.

К тому же в исчезновении пенсионерки Долининой была некая нелогичность, противоречие с обычным ходом вещей. Из дому как раз уходят особы на пятьдесят лет моложе. А тут... Немолодая женщина втайне от подружки-соседки (от которой у нее в принципе не существовало секретов) покидает свою дачу. Судя по оставленному под половичком ключу, думает, что оставляет жилище ненадолго. И – исчезает. И вот уже двое суток от нее нет ни слуху ни духу. В этом заключалась тайна, загадка. А Валерий Петрович любил разгадывать загадки. И не выносил нераскрытых тайн.

Плюс к тому деньги... Что ж, они тоже являлись немаловажным фактором.

И полковник сказал:

– Я согласен.

Елена облегченно задвигалась на своем стуле и бросила на супруга торжествующий взгляд. Стас тоже выдохнул, но у него согласие Валерия Петровича вызвало (Ходасевич мог поклясться) скорее досаду – которую он, впрочем, постарался скрыть.

В дальнейшем разговор проходил в конструктивном, деловом стиле. Договорились, что полковник соберет вещи, необходимые ему на даче, а супруги заедут за ним завтра (как раз наступала суббота), чтобы на своей машине отвезти его в Листвянку. Там они помогут ему устроиться, познакомят с обстановкой и окружением.

Когда гости уже собирались уходить, Валерий Петрович мимоходом поинтересовался – словно только что вспомнил или речь шла о вопросе незначущем:

– Вы говорили, у вашей мамы имелся мобильный телефон?

– Да, конечно.

– Скажите мне его номер.

– Но он сейчас все равно не отвечает.

– Я понимаю. И тем не менее. И оставьте мне все ваши номера телефонов: домашние, мобильные – каждого члена семьи, включая вашего сына.

Дама на память продиктовала Ходасевичу номера.

На прощание она протянула полковнику руку, заглянула в глаза и проворковала, почти интимно:

– Прямо сейчас мы со Стасом заглянем на квартиру к маме.

Решила вести себя с ним самым любезным образом – при том, что полковник нисколько не сомневался в том, что *она умела быть любой*.

Стас пожал руку Ходасевичу даже подобострастно. Вероятно, умение подлаживаться (*и подкладываться*) под сильного являлось доминантой в его характере.

Когда визитеры вывалились из квартиры, Валерий Петрович наконец с наслаждением закурил. Оба гостя, судя по их довольно свежим (для сорокалетнего возраста) лицам, привычке к табаку подвержены не были, и Ходасевич не счел возможным травить их своими любимыми болгарскими сигаретами.

Когда он зажег вторую от первой, сознание очистилось от никотиновой абстиненции настолько, что к полковнику вернулась способность анализировать.

Конечно, полмиллиона долларов наследства (триста – дача, двести – квартира) – вполне достаточный куш для того, чтобы дочь не пожалела родную мать. И, если разобраться, полноценного алиби нет ни у Леночки, ни у Стаса. К тому же благодарные детки вполне могли нанять киллеров... Но если Леночка покусилась на Аллу Михайловну (допустим, руками наемных убийц) – зачем ей тогда устраивать шоу с приглашением частного детектива? Для отвода глаз вполне хватило бы заявления в милицию...

А вот зять Стас показался Валерию Петровичу каким-то мутным. В нём, похоже, вполне хватало скользкости, чтобы замыслить убийство любимой тещи... Да и соседка Любочка, подружка пропавшей, художница и завязавшая пьяница, тоже представлялась объектом, который не стоило сбрасывать со счетов – во всяком случае, поговорить с ней будет весьма интересно...

А впрочем, информации у Ходасевича пока было явно недостаточно, чтобы строить гипотезы, хотя бы даже приблизительные.

Вот приедем в Листвянку, решил полковник, там и разберемся.

Глава 2

Маленькому Бури этой осенью повезло очень. Их бригаду хороший человек на работу взял. Хозяин хоть и ругался по-матерному, и «чурбаном проклятым» отца обзывал, но не дрался и деньги обещал заплатить хорошие. И, наверное, отдаст, без рублей не выгонит. На этот счет у маленького Бури глаз был наметанный. Хороший человек хозяин Василий. Порядочный.

А еще повезло Бури потому, что, когда в фундамент бетон заливать стали, осень началась. И отец сказал, что Бури не надо бетон *ложить*. Ты, сказал, слабый, поэтому толку от тебя мало – хотя Бури и носилки может носить, и песок в бетономешалку засыпать, и бетон раскидывать. Однако пусть лучше (отец сказал) маленький Бури пропитанием бригаду обеспечивает. Толку, сказал Имомали, больше будет. Пожалел его, хотя вслух о том отец ни слова не выговорил. Но это без слов понял Бури, и оттого в груди у него тепло стало.

Отец сказал: мальчик за грибами ходить будет. На всю бригаду собирать, а они грибы за обедом будут кушать. Хорошая экономия получится, а то у русских в магазинах все дорого очень. Большой и толстый хлеб из тех, что крошится, пятнадцать рублей стоит! Можно все деньги, что заработаешь, в магазинах на еду оставить.

А маленький Бури грибы собирать умеет. Недаром он уже

третий год в России живет. Он даже плохие от хороших грибов отличает и знает, какие из хороших – совсем хорошие, русские их «белыми» называют. Хотя если много варить, а потом еще жарить, все грибы становятся хорошие, и разницу между просто хорошими и «белыми» никто не заметит. А вот если он плохой гриб соберет и его покушают, тогда вся бригада умереть может. Поэтому задание у маленького Бури было не простое, а ответственное. Но совсем не такое тяжелое, как бетон ложить. Намного легче.

Отец Бури показал, в какой стороне от русского кишлака под чудным названием Листвянка, где они жили на участке хозяина Василия, лес располагается. Отец у мальчика большой человек, у него даже велосипед имеется. Он сам по поселку ездит и потому все, что вокруг есть, знает: и магазин, и почту, и станцию, и лес. Но велосипед мальчику, чтоб тот до леса доехал, он, конечно, не дал. Да и не умеет Бури ездить на велосипеде. О том, чтобы на нем прокатиться, ему только мечтать приходилось.

Отец сказал: до самого густого леса, где грибов может быть очень много, от ихнего дома ходьбы один час. Туда и иди, прямо. И рукой махнул, в какую сторону.

Вот вчера мальчик туда по грибы и ходил. И позавчера. Затемно домой возвращался, по целому пакету приносил. И повар грибы готовил, и все бригада кушала. И отец Имомали маленького Бури хвалил.

И сегодня, когда солнце еще не встало, а только голубым

небо черное окрасило, отец маленького Бури разбудил. До завтрака еще целый час оставался, но отец мальчику большой ломоть русского хлеба дал. Бури хлеб под рубашку сунул и пошел в сторону леса.

Сперва он шагал по поселку. Быстро шел, потому что холодно в одной рубашке-то было и еще он русских милиционеров боялся. Документов у Бури нет, и денег тоже нет, конечно. Поэтому если русские стражники его схватят, то в тюрьму посадят, а потом домой в тюремном поезде отправят. Тогда он отца больше никогда не увидит. Вместе с матерью и сестрами голодать будет. Денег, чтоб в Россию обратно поехать, он точно никогда больше не наберет.

Улицы в поселке были прямые, а дома разные. Были очень красивые и высокие. А попадались маленькие и кособокие, навряд ли того, в котором их бригада живет. Но они там жили, потому что для русского хозяина Василия большой красивый дом строили. А во многих лачужках, что вдоль улицы стояли, никто не жил. Там окна были щитами заколочены, а участки все деревьями заросли, словно в лесу.

А еще имелись дома не большие и не маленькие, а средние. Дачи называются. Кое-где в них русские и сейчас жили – а чаще нет, потому что уже осень началась и они в Москву вернулись.

Потом маленький Бури перебежал большую дорогу, по которой красивые автомобили ехали, а в них большие русские люди сидели. Затем еще немного поселок продолжал-

ся, и из-за заборов большие собаки на мальчика гавкали. А вскоре лес начался.

Наверно, и в нем можно было грибы собирать, но Бури знал, что, если не возле поселка ходить, а уйти подальше, там грибов больше будет.

Лес был чистенький, с опушками и тропинками. А тут и солнышко поднялось. Совсем весело стало. Бури даже запел. Пел он на своем языке, конечно, а песню складывал тут же, на ходу, обо всем, что ему на пути встречалось. «Вот русское солнышко встало... — пел он. — В России холодно... И даже русское солнце такое холодное, что маленького Бури совсем не греет... И земля здесь холодная и плоская. Все такое плоское в России: и поля, и лес... И гор совсем не видно... Все здесь ровное, словно стол... Скучно маленькому Бури без гор...»

Бури полем прошел и в настоящий дикий лес вступил. Здесь уже, наверно, можно было грибы собирать, и он их под деревьями даже видел, но выдержал характер и к ним бросаться не стал. Решил совсем далеко зайти, чтобы очень много грибов было. Чтобы больше получилось, чем вчера, и чем позавчера. Мальчик три полиэтиленовых пакета из дома захватил и решил все их грибами набить, чтобы отец и бригада хорошо покушали и Бури похвалили.

В ближнем лесу ему люди встретились. Одни только русские мужчины, а женщин и детей нет совсем. И даже странно: почему русские мужчины бетон не месят или другую тя-

желую работу не делают, а по лесу грибы собирают? Ведь грибы собирать не для мужчин работа, а для маленьких. Ну, и для женщин, конечно.

Бури тех дядек, кто ему в лесу встречался, старался далеко стороной обходить. Чтоб его даже не заметили. Его и не замечали, хотя он бесшумно по лесу не умел ходить. Кусты шуршали и сучки под ногами трещали. Но люди на него внимания не обращали. А про шум думали, наверно, что это лесной зверь шумит.

Но однажды Бури одного дядьку не заметил и почти лицом к лицу с ним столкнулся. Тот под деревом стоял и под корни ему глядел. Грибы, наверно, высматривал. Маленький Бури прямо на него вышел. И был этот русский мужчина большой, в красной майке и с толстыми руками, а на руке синий рисунок. «Татуировка» называется. Он голову поднял и маленького Бури заметил.

Заметил и улыбнулся, но улыбка у него была не добрая, а жестокая, словно он не человек, а опасный зверь, вроде леопарда.

– О, чурка!.. – сказал мужчина.

Попятился маленький Бури.

– А ну, иди сюда! – приказал русский с татуировкой.

Бури не послушался и еще на два шага отступил.

– Иди сюда, я сказал тебе! – заорал мужик.

Тогда мальчик развернулся и бросился через кусты наутек.

– А ну-ка стой! – заорал русский и заругался по-матерному.

Бури не остановился, только сильнее припустил.

Сзади него слышался шум погони. Кусты трещали и ломались, слышался топот и даже тяжелое дыхание.

Маленький Бури понесся не разбирая дороги.

– Стоять! – кричал мужик, задыхаясь. – А то я тебя как ща поймаю, да... – а дальше водопад грязных слов.

Но мальчик останавливаться не стал, а помчался еще быстрее.

Маленький Бури все бежал и бежал, и ему было страшно. И от собственного дыхания и топота ему казалось, что его преследуют.

Наконец он упал с размаху на землю, потому что очень устал и испугался, и заплакал.

– Дяденька, не бейте!.. – всхлипнул он по-русски и зажмурился.

Но никто его и не бил. В лесу было тихо. Погоня отстала. Только птица какая-то лесная – ее, наверно, Бури вспугнул – три раза тревожно прокричала.

Бури обрадовался, что от погони оторвался и его бить не будут. Встал с земли. Слезы со щек вытер. И тут увидел: прямо на месте, где он лежал, торчит изо мха шляпка гриба. Пузатенькая. Бури нагнулся и сорвал его. Точно, самый лучший гриб! «Белый» по-русски называется. Сунул его мальчик в пакет – а как сунул, так сразу и второй гриб увидел.

И начался у Бури праздник. Много он на той поляне грибов собрал.

А в лесу почти темно было, словно вечером. Это потому что вокруг огромные ели росли. Ели – священные деревья русских. Они их зимой из леса в свои жилища приносят и украшают. Но здесь, в грибном лесу, ели были настолько огромные, что ни в один дом, даже в самый высокий, не влезли бы.

А потом мальчик еще дальше в лес ушел, и снова нашел белый. Так и ходил, и собирал, пока не устал совсем. А как устал, сел на пень. Хлеб, что отец ему дал, поел. А потом прилег на опушке на солнышке, и, хоть и холодно ему было лежать на земле, уснул.

Проснулся Бури оттого, что совсем холодно стало. Глянул: Аллах всемогущий, солнце-то совсем низко над деревьями висит!.. Вот-вот зайдет, вечер начнется.

Бури схватился, вскочил. Посмотрел: добыча при нем, рядышком. Никто ее не украл. Он всего один пакет набрал, зато полный, и почти одних белых. Теперь домой надо идти. В темноте грибы не пособираешь.

Найденное еще надо до отца донести – чтобы плохие русские люди добычу не отобрали и стражники-милиционеры не задержали. И Бури припустил в сторону русского кишлака Листвянка, где отец и его бригада дом русскому Василию строили.

Путь домой больше времени занял, чем дорога в лес. Па-

кет тяжело нести было. Вдобавок, как только Бури в ближнем лесу людей замечал, сразу затаивался и переживал. И они его не замечали. Мимо проходили или на велосипедах проезжали. Хорошо еще, Бури не заблудился. Почти все время правильно назад шел. Он по солнцу умел направление определять – даже если светило уже на ночь спряталось. Куда идти, он как будто душой своей чувствовал.

Когда маленький Бури большую дорогу перешел, машины по ней уже с включенными огнями ехали. А когда по улицам русского кишлака пошел, совсем темно стало. В больших каменных домах, где жили, свет горел. А фонарей на улицах совсем не было. Темнота.

Бури почти побежал, потому что знал, что, когда темнота наступает, отец и бригада работать прекращают и обедать садятся. А он, получалось, к обеду им грибов не принес. Но все равно ведь его покормят, еще со вчера грибы остались, а отец распорядится, чтобы новую порцию кашевар завтра приготовил. И, может быть, похвалит маленького Бури при всех.

А когда он уже на ту улочку выбежал, где дом хозяина Василия стоял и до отца два шага оставалось, мальчику вдруг странная фигура преградила путь. Он ее в темноте заранее не заметил – и прямо в нее уткнулся. Фигура очень высокая, в каком-то балахоне и лицо капюшоном прикрыто, так что его почти не видно.

– Здравствуй, мальчик, – проговорила фигура по-русски,

и голос у нее был странный, не мужской и не женский, а какой-то шелестящий, словно змея шипит.

Бури замер в изумлении.

А фигура продолжала тонким своим голоском:

– Хочешь шоколадку? – и протянула ему огромную плитку шоколада.

Бури и не знал, что такие большие плитки бывают. Как три или даже пять обычных шоколадок, что в магазине возле станции продаются. Даже на вид, в обертке, шоколад был очень вкусным. Мальчик вообще в жизни только один раз шоколад ел и помнил, что это очень вкусно. И он, как увидел лакомство, сразу почти забыл и про отца, и про грибы, и про опасности, которые от русских людей на улицах бывают, и про русских стражников-милиционеров.

– Ну, хочешь? – прошелестела фигура, и длинные пальцы сунули огромную шоколадку прямо под нос Бури. – Я тебе его подарю.

Бури сказал тихо:

– Хочу.

Русский человек сказал тогда:

– Пойдем. Не бойся. Я не сделаю тебе плохого.

И положил руку на плечо Бури.

Рука была очень цепкая, будто у мальчика на плече капкан захлопнулся.

Полковник Ходасевич проснулся рано: надо было подготовиться к переезду в Листвянку.

Вчера после ужина он позвонил своему нынешнему куратору полковнику Ибрагимову.

Тот, казалось, звонку полковника обрадовался.

– О, Валерий Петрович! Сколько лет, сколько зим! Какими судьбами?

– Да вот, на дачу переезжать собираюсь.

– На дачу? Не поздновато?

– Да я, считай, по делу поеду.

– По делу? Какие у тебя появились дела?

– Уголовные, Олег Николаич, уголовные.

– О, Валерий Петрович, да ты никак частным сыщиком на старости лет заделался? Пенсии не хватает?

– Не хватает, Олежек, ох, не хватает... В этой связи одна просьбочка к тебе имеется.

Ибрагимов вздохнул.

– Слушаю. Как же вдруг ты – и без просьб.

– Пробей, пожалуйста, один мобильный номерок. Кому с него звонили – и кто на него звонил. Скажем, в течение последней недели. Начиная с прошлой среды и кончая нынешней.

– А вчерашний день не нужен?

– Нет, только до среды.

– А что в среду с телефоном случилось?

– А он исчез. Вместе с хозяйкой.

– Хорошенькая хозяйка?

– Да. Только семидесятилетняя.

– Понятно... Ох, Петрович, ясна мне твоя просьба, только совсем не входит в круг моих непосредственных должностных обязанностей... Да и незаконно это...

– Будет тебе, Олег!.. Обычные оперативные мероприятия. Милиция с того же начала бы. Если б менты, конечно, взяли тетеньку искать.

– Ладно, Валерий Петрович. Диктуй номер. Сделаю. А как сделаю, отзвоню.

– Да, и еще. Я человек от техники далекий, поэтому не знаю, но... Можно ли узнать, где, в каких краях данный телефон за эту прошедшую неделю побывал?

– Можно, Петрович, в наше время для техники ничего невозможного нет. Если, конечно, с указанного телефона звонили.

– Пожалуйста, Олежек, сделай все побыстрее.

Этот звонок оказался единственным мероприятием, которое совершил по новому делу полковник в пятницу.

...В субботу он проснулся рано, на удивление бодрым и даже вдохновленным. Пока брился – умывался – завтракал, по традиции смотрел (или слушал) телевизор на кухне.

В утренних теленовостях сообщили об очередной криминальщине, до сих пор невиданной в родимых осинах.

Жертвами бандитов становятся одинокие дамочки на иномарках. На светофоре к лимузину подруливает мотоцикл с двумя супостатами в черных шлемах. Один разбивает стекло и выхватывает с сиденья дамскую сумочку. Второй жмет на газ. Женщина не успевает опомниться, как мотоцикл с добычей уносится вдаль. Пострадавшая не может опознать нападавших, мотоцикл без номера, грабители в черных костюмах и глухих тонированных шлемах. Имел место десяток аналогичных эпизодов. Судя по тону комментаторов, явные висяки.

Валерий Петрович подумал, что самый эффективный способ поимки бандитов – на живца. За руль старенькой иномарки посадить девушку-опера с хорошей физической подготовкой и оружием. Где там случилось большинство преступлений? На Кутузовском? На Ленинградке? Вот и пусть барражирует наживка по Кутузовскому и Ленинградке. Бок о бок, не отставая ни на шаг, девушку-подставу надо сопровождать. В неприметную машину посадить опергруппу. Когда преступники клюнут, опера в момент похищения заблокируют мотоцикл грабителей и произведут задержание...

Впрочем, мнение полковника по данному делу – как обычно в последнее время – никого не интересовало. Никто в его совете не нуждался. Однако сегодня утром сия мысль его больше не язвила, не раздражала. Наверно, оттого, что

теперь у него появилось дело.

Елена, дочь пропавшей, позвонила в десять ноль— пять. Сказала, что маменька по-прежнему не нашлась, и подтвердила, что они с супругом заедут за Ходасевичем, как договаривались, в одиннадцать.

Машина пришла с десятиминутным опозданием. Полковник спустился с дорожной сумкой в руках. Последний раз она пригодилась ему, когда он ездил в город Костров выручать падчерицу Татьяну из настоящего шпионского дела³.

Когда Валерий Петрович шел по лестнице, то поймал себя на мысли, что беззаботно насвистывает.

* * *

Она знала, что зависть — грех. Один из смертных грехов. Но ничего не могла с собой поделать. И все равно продолжала завидовать.

Люба завидовала своим более удачливым коллегам. Особенно тем, с кем была знакома лично. Как могло получиться, что этот бездарь Конюхов известен всему миру? А Гурам — миллионер и уставил всю Москву и весь свет своими отвратительными железными монстрами?..

А она — по-настоящему талантливая, та, кому все преподаватели в училище единогласно предрекали великое буду-

³ Подробнее об этом можно прочитать в романе Анны и Сергея Литвиновых «Парфюмер звонит первым».

щее, известна лишь единицам – ценителям и знатокам! Что же это за публика такая?! Почему за ужасные лакированные портреты Новожилова люди готовы платить сотни тысяч, а на полные жизни и огня работы Любы жалеют и несчастной тыщонки?

Какая отвратительная несправедливость!

Ведь она пишет лучше! Лучше, чем все эти бездари – выскочки – миллионеры! Лучше, чем каждый из них и все они, вместе взятые. Это она и сама видит. И настоящие друзья – те, кто все-таки, несмотря ни на что, остался рядом с нею – об этом, не чинясь, ей говорят.

Но разве ее вина, что она работает в неброской реалистичной манере? Что на дух не переносит выпендреж и эпатаж? И считает, что все эти концептуалисты, соц– и поп-артисты – не кто иной, как доморощенные фигляры? Разве ее вина, что никогда она не умела примазываться к власть имущим – ни раньше к коммунистам, ни к нынешним толстосумам? И никогда не вякала против Советской власти – ни в своих произведениях, ни устно или письменно, и потому во время русского бума конца восьмидесятых – начала девяностых ей не удалось стать по-настоящему продаваемой и популярной на Западе? Разве она виновата, что никогда ее творческую судьбу не сопровождали скандалы? Выпивки не в счет, пьянка – тьфу, подумаешь, невидаль, разве пьянка, сколь угодно забубенная, в России скандал?!

Поневоле пожалеешь, что ей не дали уйти из жизни тогда,

в семьдесят четвертом. Молодая девчонка, трагически погибшая на взлете, в расцвете первого таланта – разве это не замечательное начало для настоящей легенды (без каковой, как известно, не существует ни одного подлинного художника)? У-у, тогда бы, конечно, ее работы продавались. Цены взлетели бы до небес. Правда, ей самой от того было бы уже ни холодно ни жарко. Но, как цинично говорил ее проклятый первый возлюбленный: ради признания можно немного и пострадать...

Может, зря она завязала с выпивкой? Пьянка привносила в жизнь интерес, веселье, живость, необузданность... А сейчас... Жизнь тянется, словно клейстер. И ничего не происходит. Ну, еще одну картину она напишет. Еще одну тощую стопочку долларов за нее получит... А может, и нет...

А может, развязать? Как раз сегодня и повод есть... Все-таки у нее нынче день рождения. Правда, дата совершенно страшная. Ее вслух и выговорить-то тяжело, эту цифру. Никогда Люба не думала, что ей столько лет когда-нибудь будет. Мерзкая цифра. Звучит, словно жужжание пчелы. Или шипение крокодила: «Пятьдесят три».

«Развяжи, развяжи!» – спохватился от нечаянной мысли внутренний бесенок и стал подзуживать, прямо-таки подталкивать под руку. Воспоминание о вкусе коньяка на мгновение затуманило голову. Примнилось, как глоток обжигает рот и нёбо, горячим комком падает в желудок и расплывается в нем теплой волной, расслабляет мышцы, затуманивает

голову.

Господи, насколько легче живется, когда ты под газом! И с мужиками отношения как-то сами собой выстраиваются. И в холстах (хоть и труднее становится их писать) появляется какая-то (как говорил все тот же незабвенный возлюбленный) живинка и необычинка. От алкоголя даже зависть растворяется, перестает язвить изнутри и мучить.

Зависть... Да, зависть... Время от времени она просто сжигала Любу.

Она завидовала не только коллегам. А подруги?

Сначала, по молодости, она терзалась завистью по отношению к тем, кто выходил замуж за красивых, богатых или перспективных. Потом, когда стала постарше, – уже завидовала всем, кто хоть с кем угодно свадьбу играл. И пусть в жизни Любочки бывали прекраснейшие мужчины, и она с ними извела настоящее счастья, но мужа, настоящего, законного, постоянного, так и не случилось. А последние годы вообще приходилось вековать одной. В этой паршивой, холодной, деревенской Листвянке.

И тем, с кем она жила здесь рядом, Любочка тоже завидовала. Соседей вокруг она презирала, улыбалась им – а зависть исподволь точила ее сердце.

К примеру, Василий – тот сосед, что через Аллочкин участок находится. Откуда у него такие деньжищи, чтобы нанять целую бригаду таджиков и строить огромный – судя по фундаменту – домище? Бизнесмен, блин!.. Еще лет десять

назад был голодранцем – кассетами на рынке торговал. А сейчас разгулялся...

А ближайшая соседка Аллочка? Она неплохая баба, но почему же ей в жизни далось все, а Любочке не досталось ничего? Почему у нее участок двадцать пять соток, а у Любы – вполовину меньше, всего двенадцать с копейками? Почему у Алки дом в Листвянке со всеми удобствами, паровым отоплением и ванной, а ей, Любе, круглый год приходится печурку топить? И ходить в баню мыться? А ведь Аллочка даже не все время на даче живет (или уже – жила?), как Любочка, а только летом! За что ей, спрашивается, такие привилегии?

К тому же у Аллы и семья есть. (А у Любочки никого!) И дочка каждый уик-энд приезжает, и зять. Зятек, конечно, паршивый. Дрянцо человек. Уж Любочка это хорошо узнала. На своей шкуре. Однако все равно – и крыльцо, если надо, поправит, и яблони обрежет. И еще у Алки внук есть – хороший парень вырос, у них обеих на глазах, радовал их обеих, лепетал, играли они с ним... А теперь, как подростком стал и усы пробились, к Любочке даже не заходит, а с бабушкой все равно готов целыми днями разговоры разговаривать...

Правда, конечно, мужа у Алочки не стало... Пятнадцать лет как не стало... А какой замечательный мужик был! Уж Любочка-то знает... Судьба мужа – вот причина, по которой соседке можно сострадать. И пожалеть ее. И даже меньше завидовать...

А может, нынешняя пропажа Алки связана с судьбой Иван Ивановича? Но как? Как это вообще может быть?

Теперь Алла исчезла... И сразу скучно стало и одиноко... Странное дело, с тех пор как соседка исчезла, Любочке слегка полегчало. И даже всеобъемлющая зависть ко всему миру, постоянно царящая в душе, чуть-чуть съежилась.

Как хорошо-то!

Слава богу, что Алки больше нет!

* * *

Работодатели Ходасевича ждали его у машины втроем. Помимо давешних Лены и Стаса присутствовал парнишка лет двадцати с неуверенными усиками и бородкой. Юноша был похож на обоих родителей. Уши его были заткнуты наушниками.

– Наш сын Иван, – представила юнца мамаша. В ее глазах полыхнула затаенная родительская гордость. – А это Валерий Петрович, полковник, – завершила она процедуру знакомства.

Молодой человек, явно не страдающий излишними комплексами, вынул наушники и спросил:

– А вы что, реально, типа, частный сыщик?

Ходасевич отвечал нейтрально:

– Да.

– Ух, круто! – восхитился юноша. – Будете бабуську ис-

кать? Круто!

Мамаша тут же осадила его:

– Иван! Что за жаргон?! Ты знаешь еще какие-нибудь слова для выражения положительных эмоций, кроме «круто»?

Юнец ответил кротно:

– Знаю.

– Тогда тебе следует применять приличные синонимы – по крайней мере, в разговоре со взрослыми людьми.

– Хорошо, мам. Кул⁴!

Немедленно за тем молодой человек всунул в уши наушнички плеера и включил полную громкость. Отгородился от родителей, взрослых вообще и от мира.

Махнув рукой на эскападу Ивана, Елена обратилась к Ходасевичу, округлив глаза:

– Вы знаете, Валерий Петрович, вчера, после того, как побывали у вас, мы, по вашему совету, заехали на квартиру к маме. И, представляете, нам показалось, что в мамино отсутствие ее кто-то посетил!

– Вот как? Из чего вы это заключили? Из квартиры что-то пропало?

– Слава богу, нет. Все на своих местах – и техника, и мамина шубка, и другие вещи. Но, вы знаете, у меня такое чувство, что туда проникал кто-то посторонний. Не могу вам в точности сказать, откуда оно появилось.

– У кого имеются ключи от квартиры вашей матери?

⁴ От английского cool – круто.

– Один комплект всегда был при ней.

– Вы нашли его на даче после ее исчезновения?

– Нет... Не помню... Наверно, мы забыли посмотреть...

– Раз вы побывали в квартире Аллы Михайловны – значит, у вас имеются запасные ключи?

– Да, они находятся у меня.

– У вас лично?

– Ну, я не держу их постоянно при себе... Но обычно они лежат в Москве, в нашей квартире.

– Мог ими воспользоваться кто-нибудь из домашних? Без вашего ведома? И посетить квартиру Аллы Михайловны?

Муж Стас во время разговора устраивал в багажнике сумку Валерия Петровича. Когда он разогнулся, Ходасевичу показалось, что супруг слегка покраснел. Сын, отгородившись музыкой, в разговоре не участвовал.

– Н-ну, я не знаю... – тут и мамаша тоже покраснела. – Ключи лежат в моем ящике, но я не делаю тайны... Стас! – прервала она саму себя. – Ты брал ключи от маминой квартиры?

Муж отвечал резко – в некоторых случаях лучшей защитой бывает нападение:

– О чем ты говоришь, Лена? Зачем они мне?

Мамаша толкнула сына в плечо:

– Иван!

Полковник сделал отстраняющий жест.

– Не надо ничего спрашивать. Он в любом случае ответит

«нет». Давайте-ка мы с вами лучше проедем в квартиру вашей маменьки. Прямо сейчас.

Елена немедленно ретранслировала команду полковника:
– Стас, ты что-то закопался, заводи! Поехали к маме.

Исчезнувшая Алла Михайловна проживала, по столичным меркам, недалеко от полковника: на улице Радужной, в одном из кирпичных домов постройки середины пятидесятых. Стас припарковался в тихом дворе, в окружении помойки, «ракушек» и тополей.

Ходасевич скомандовал:

– Я попрошу мужчин остаться в машине, а мы с вами, Елена, поднимемся в квартиру.

Муж спросил с кривой ухмылочкой:

– С какой стати именно вы?

Кажется, он напрягся в виду намечающегося визита супруги в дом тещи.

Валерий Петрович пояснил:

– Чтобы не толпиться и не оставлять лишних отпечатков.

Елена глянула на благоверного со значением. Кажется, она безоговорочно признала верховенство полковника в сложившемся микроколлективе.

Они вдвоем поднялись по широкой лестнице – лифта в доме не было. Странно, но в голове Валерия Петровича

вдруг вспыхнули сексуальные ассоциации. Может, потому, что мощные бедра Елены, возглавлявшей шествие, колыхались как раз перед носом Ходасевича. По случаю выезда на дачу она надела обтягивающие спортивные штаны «адидаас» и кроссовки. А еще на полковника нахлынули неконтролируемые воспоминания. Сколько раз по молодости вот так, тайком, чужие жены вели его средь бела дня в свои квартиры...

Они поднялись. Остановились у двери. Валерий Петрович сделал знак Елене: не спешить. Осмотрел замок.

Насколько полковник разбирался в вопросах тайного проникновения в жилище, замок в квартиру исчезнувшей взломан не был. Если его и открывали посторонние – то, скорее всего, ключом.

Ходасевич дал знак: можно отпирать. Пока Елена возилась с ключами, он тихо спросил:

– Когда ваша мама приезжала сюда в последний раз?

– По идее, она не бывала в квартире с момента ее отъезда на дачу – то есть с майских. Я сама получала ее пенсию и отвозила ей.

– А вы, Елена, навещали мамину квартирку?

– Нет, зачем? Цветы поливать не надо – она их все забрала с собой. Домашних питомцев у нее нет.

– А Иван здесь бывал? Или, может быть, даже Стас?

– Я об этом ничего не знаю. Мне они, во всяком случае, не докладывали. А вы... Что ж, вы можете применить к ним

допрос четвертой степени устрашения.

Они вошли в квартиру. В прихожей было полутемно.

Полковник приказал:

– Сядьте куда-нибудь и не путайтесь под ногами.

– Хорошо.

Елена – сама по себе, очевидно, властная – с видимой покорностью выполняла команды Валерия Петровича. Вероятно, именно возможности подчиняться ей не хватало в жизни.

Квартира оказалась небольшой и по-стариковски уютной. Однако в ней имелось по-молодежному большое количество современных приборов. На кухне – микроволновая печь. Там же размещалась стиральная машина-автомат. В гостиной располагались DVD-плеер, CD-проигрыватель и даже компьютер. Все приборы были не новыми и, пожалуй, самыми дешевыми из тех, что есть на рынке, но тем не менее... И еще чувствовалось – по особому затхлому воздуху – что в квартире давно никто не жил.

А к тому же возникало ощущение, что кто-то недавно здесь побывал.

Здесь явно что-то искали.

Причем не наскоро – как это делают обычно квартирные вору: ломая замочки шкафов и вытряхивая на пол содержимое ящиков. В квартире, похоже, орудовали не спеша, с чувством, с толком, с расстановкой. Особо не скрывались, но и не старались, чтобы проникновение и обыск остались совершенно незаметными. Тем, кто хозяйничал без спросу

в квартире, кажется, было наплевать на последующую реакцию хозяйки. *Плохой знак*, подумал Ходасевич. Возможно, *они* уже знали, что её нет в живых.

На полу в кухне под столом валялся шуруп. Полковник, кряхтя, присел на корточки и поднял его. Судя по поблескивающей резьбе, его выкрутили совсем недавно. А декоративная решетка, загораживающая воздуховод, была небрежно привинчена на три оставшихся шурупа.

Валерий Петрович заглянул внутрь кухонной стенки. Достал несколько железных банок с сахаром и крупой. Налетчики явно в них рылись. Об этом свидетельствовала взбудо-
раженная поверхность сыпучих пищевых продуктов и следы манки вперемешку с гречкой на кухонном столе.

Слой пыли на туалетном бачке был смазан по краям. Похоже, кто-то снимал крышку и проверял, нет ли внутри замороженного тайника.

Ходасевич вернулся в комнату.

Дочь пропавшей как паинька сидела на диване и задумчиво озидала стену.

Там имелся целый иконостас из фотографий. На всех снимках была изображена женщина, похожая на Елену, однако совсем худая. Очевидно, то была исчезнувшая Алла Михайловна.

Карточки были любопытны тем, что дама на них позировала вместе с известными людьми. Иные фото украшали автографы и несколько теплых слов от знаменитости. Полков-

ник узнал на снимках Ростроповича и Вишневскую, Стейнбека, Аджубея, Ван Клиберна, Елену Образцову. Все они улыбались в объектив, а рядом с ними притулилась, греясь в лучах их славы, молодая Алла Михайловна.

Не отводя взгляда от фотографий, Ходасевич негромко спросил:

– У вашей матери могли быть какие-то ценности?

– Ценности? Какие?

– Я не знаю. Золото. Драгоценные камни. Крупные суммы денег. Неизданные рукописи или ноты. Секретные чертежи.

– Чертежи?!

– Успокойтесь, это шутка.

– Нет, ничего такого.

– А могли вы не знать об этом?

– Я? Да что вы! Вся ее жизнь – у меня на виду.

Валерий Петрович хотел возразить, что мы порой даже не представляем, какие тайны могут скрывать наши домашние, но передумал. К тому же Елена его опередила. Расширившись глазами она посмотрела под рабочий стол. Ахнула:

– Компьютер!

– Что?

– Смотрите: кто-то вскрывал компьютер.

И в самом деле: крышка от системного блока валялась на полу. Внутренности компьютера были видны в своих ячейках.

– Вы в компьютерах разбираетесь? – спросил полковник.

– А вы?

– Я не очень.

– А я – только как юзер, как наш Ванечка говорит. Пользователь то есть.

– Не заметили, ничего из устройств компьютера не пропало?

Елена подошла поближе, взгляделась. Потом пожала плечами.

– Не понимаю я в этом ничего. Я же, – добавила она с усмешкой, – пользователь не продвинутый.

– Компьютер дорогой? Новый?

– Ему года три, не больше. Мы его ей отдали, когда Ивану новый купили.

– Когда вы лично были тут, в квартире, последний раз?

– Я? Да не считая вчерашнего дня, последний раз была здесь перед майскими, когда мы маму на дачу перевозили.

– А ваши мужчины, Стас и Иван, могли в «персоналке» копаться?

– Надо, конечно, их спросить... Но зачем? Ехать сюда, чтобы деталь какую-то снять...

– Вы собираетесь заявлять в милицию, что в эту квартиру, возможно, кто-то проникал?

– А вы думаете, надо?

– Не могу в данном случае ничего вам советовать. По закону надо.

– Но это поможет найти мою мать?

– Возможно, да. А может быть, нет.

Елена решительно махнула рукой:

– Нет. Не будем время терять. А то они разведут там бодягу...

И добавила со значением:

– Мы, полковник, доверяем *вам*.

В Листвянку ехали долго.

Валерия Петровича загрузили, ввиду особо больших его габаритов, на переднее сиденье новенького «Мицубиси Лансера». Стас, сидевший за рулем, явно гордился своей новой машиной. Его супруга Елена, судя по высокомерным характеристикам, что она порой раздавала соседям по автомобильному потоку, – тоже.

Сначала долго тащились по проспекту Мира и Ярославскому шоссе. Потом вырулили на МКАД. Супруги пояснили: в Листвянку можно ехать и «огородами», по Ярославке, – но на том шоссе обычно дикие пробки, особенно субботним утром, поэтому лучше добраться до «Щелчка».

Однако двухрядное Щелковское тоже оказалось перегружено дачными лимузинами. Слишком много народу собралось провести последние погожие деньки на дачах и прочей природе.

Ходасевичу даже пришлось извиниться перед работодате-

лями и покурить в открытое окно.

По ходу дела он попросил Елену рассказать об исчезнувшей Алле Михайловне.

Дочь воодушевилась. Она явно тепло относилась к своей матери.

– У моей мамы – необычная профессия, – начала Елена. – Правда, сейчас, когда развелись эти цифровые фотокамеры и «фотошопы», она оказалась никому не нужна. Счастье, что мама успела на пенсию выйти... Итак, товарищ полковник, – лукаво сказала Лена, подавшись вперед с заднего сиденья и дотронувшись до плеча Ходасевича, – у вас есть шанс продемонстрировать свои аналитические таланты. Можете угадать, кем работала моя мать?

Валерий Петрович отвечал с переднего сиденья:

– Думаю, да. Она была ретушером.

Елена победоносно посмотрела на сидящего рядом сына. Впрочем, сей горделивый взгляд остался втуне, так как Ваня целиком погрузился в музыку из своих наушников.

– Как вы догадались?

Полковник усмехнулся:

– Элементарно, Ватсон. Особенно, если учесть ваше предисловие по поводу цифровых камер, сделавших ненужной ее работу. К тому же в квартире вашей мамы висит фотография Аджубея⁵. С автографом. Как он там, бишь, писал?

⁵ Аджубей, Алексей Иванович (1924—1993), журналист. Главный редактор «Известий» с 1959 по 1964 год. Зять Хрущева.

«Той, кто мои тяжёлые черты смогла смягчить почти до красоты».

– Вы знаете Аджубея?

– Да. Даже немного лично.

– И вы совершенно правы, Валерий Петрович!

Стас саркастически улыбнулся – а доверие дамочки к Ходасевичу выросло до неземных высот.

– Моя мама действительно была ретушером. Она сперва в «Известиях» двадцать лет проработала – оттуда фотографии со знаменитостями в ее доме. Потом перевелась в «Советскую Россию», а потом, когда эта газета в перестройку очень провокационную позицию заняла, ушла в «Московские новости». Сорок лет в строю!.. Коллеги ее очень любили, уважали. Она ведь настоящим художником была. И руководство всегда тепло к ней относилось. Работа у нее была незаметная, но важная. Это сейчас – чик, чик на компьютере, и любая уродина может выглядеть, как супермодель. А раньше все вручную. Так кропотливо! Тончайшей кисточкой, тушью, рейсфедером рисовали. Бритвочкой подчищали... И ведь надо было сделать так, чтобы человек на фотографии, с одной стороны, и похорошел, как тот Аджубей на снимке, и чтобы на самого себя остался похож. Чтобы его узнать можно было. А сколько возни с сильными мира сего!.. Как Брежнева разрисовывали, Хрущева!.. Горбачеву его пятно родимое на лбу замазывали... А уж при Сталине что было!.. Слава богу, мама те годы не застала, но рассказывала

мне, сколько тогда страху ее коллеги натерпелись...

– Давно она на пенсии?

– Уже больше десяти лет, с девяносто третьего года. Сначала очень переживала, что осталась не у дел – а потом привыкла. Лето на даче проводила, Ванечку нашего воспитывала. И зимой у нас дома подолгу жила, чтобы Иван был обижен, не шлялся по улицам с ключиком на шее.

От Валерия Петровича не укрылось, что лицо Стаса, сидящего с ним рядом за рулем, во время рассказа о теще закаменело. На нем появилось презрительное и брезгливое выражение.

После первых километров, когда тащились еле-еле, движение наконец-то разогналось. Машина, в потоке других, помчалась скоренько. Ходасевич прикрыл окно. За стеклом мелькали заборы придорожных поселков и зеленые, с вкраплением золота, деревья.

Вскоре свернули со Щелковского шоссе. Второстепенная дорога запетляла мимо дачных поселков, воинских частей, автобусных остановок и павильонов-магазинчиков. Затем еще пара поворотов, мелькнул указатель «ЛИСТВЯНКА».

Асфальтовая дорога, несколько «лежачих полицейских», затем поворот на крохотную улочку – скорее тупик. Машина на первой передаче покачалась на кочках, проскребла днищем траву – и замерла у синего забора.

– Приехали, – объявила Лена. – Добро пожаловать, товарищ полковник.

Глава 3

Вновь прибывшие еще не успели перетащить из машины в дом все пожитки, как на участке появилась худенькая немолодая женщина, похожая на обезьянку. Она была одета по-дачному. Женщина бросилась в объятия Лены. Стас лишь сухо кивнул ей и отвернулся. Самым гостеприимным из всей семьи неожиданно оказался Иван. Он даже соизволил вытащить из ушей наушники и радушно приветствовал соседку:

– Здравствуйте, тетя Люба!

Но сама Люба, мимоходом поприветствовав Ваню и Стаса, более всего внимания уделила Елене. Она обнимала ее и нетерпеливо приговаривала:

– Ну, как мама? Что с ней?

– Все так же. Ничего нового.

– Господи! Бедная Алла!

Ходасевич заметил, что на глазах соседки выступили слезы.

Полковник не вмешивался в дачную суету первых минут прибытия. Стоял спокойно у машины и наслаждался первой загородной сигаретой. Исподволь обозревал окрестности.

Участок пропавшей Аллы Михайловны казался даже больше, чем заявленные ее дочерью двадцать пять соток. Может, оттого, что имел правильную, почти квадратную форму. А может, потому, что на нем не нашлось места огородным

культурам – практически вся земля была засеяна тщательно подстриженной травой. Имелись лишь две-три свежеперекопанные под зиму грядки и пара клумб. На них желтым и белым горели хризантемы и гортензии. Кроме того, вокруг дома – на крыльце и перилах, на пеньках и деревянных чурбачках стояли ящики и кадки – очевидно, вывезенные с городской квартиры. В них алели бегонии и герани, синели кусты гелиотропа.

Дом окружали настоящие лесные деревья: несколько великанских сосен, пара огромных сумрачных елей. Рос здесь и молодой, весь зеленый, дубок и две-три березы с желтыми прядями в своих пышных гривах. Раскинул ветви строй из трех яблонь – упавшими плодами была усеяна вся трава.

На фоне гигантских сосен и елей дом Аллы Михайловны смотрелся совсем маленьким. Построен он был, очевидно, в пятидесятые – если не тридцатые – годы, по моде тогдашней дачной архитектуры. С трех сторон его обрамляла гигантская застекленная терраса. Из черепичной крыши торчала высокая блестящая труба. Когда-то дом был крашен синей краской, которая уже изрядно выцвела, а кое-где даже облупилась. Впрочем, обширное крыльцо было подновлено и заново окрашено. При всем настороженном отношении полковника к любым проявлениям загородной жизни ему неожиданно здесь понравилось. Даже сквозь затяжки вонючим «Опалом» чувствовалось, сколь свеж и чист, не в пример московскому, местный воздух.

Соседка, явившаяся к Лене узнать о судьбе Аллы Михайловны, за разговором не забывала бросать на Ходасевича взгляды, исполненные жгучего любопытства. И Елена сочла нужным представить его – так, как они заранее, еще в машине, договорились:

– Это друг нашей семьи, Валерий Петрович. Он частный сыщик и будет заниматься делом мамы. Валерий Петрович поживет в нашем доме несколько дней – столько, сколько понадобится.

Соседка – лицо в сеточке мелких и крупных морщин, в красных пятнышках и мешочках – одарила полковника откровенно восхищенным взглядом.

– Вот как? Вы сыщик? Очень интересно.

Она протянула ему сухую руку.

– Меня зовут Люба. Люба Перевозчикова. Я художница и соседка этой замечательной семьи.

Ходасевичу ничего не оставалось делать, как пожать жилистую женскую кисть с сильными пальцами.

– Добро пожаловать в Листвянку, – добавила художница, продолжая жадно рассматривать лицо полковника. – Мой участок здесь рядом.

Люба махнула в сторону невысокого штакетника, в котором имелаась калитка.

– Милости прошу ко мне в гости. В любое время. И обязательно, непременно приходите сегодня. Все вместе. Я буду рада вас видеть. Ты не забыла? – обратилась она к Елене.

– Несмотря ни на что, нет. Подарок тебе давно куплен.

– А вы, Валерий Петрович, – повернулась Любочка к Ходасевичу, – приходите без всякого подарка. Почту за честь видеть вас у себя. У меня сегодня день рождения, – пояснила она и добавила кокетливо: – Только, ради бога, не спрашивайте, сколько мне лет!.. Я по старой традиции приглашаю в этот день всех-всех своих дачных соседей. – И сказала после паузы с долей интимности: – А вы ведь теперь тоже мой сосед.

Затем художница громко обратилась ко всем прибывшим:

– В три часа я всех вас жду. И тебя, Стас. И тебя, Ванечка. Ну, я побегу. Еще дел невпроворот.

– Я зайду к тебе пораньше – помочь, – проговорила вслед соседке Лена.

– О, замечательно, давай, – бросила через плечо Любочка.

Жилище Аллы Михайловны оказалось небольшим, но весьма уютным. Добрую половину дома занимала застекленная веранда. Осеннее солнце заливало ее желтым светом. На веранде имелись старинный буфет и радиола шестидесятых годов прошлого века. Огромный дубовый стол был придвинут вплотную к громоздкому дивану. Веранда не отапливалась, но сентябрьское солнце успело прогреть помещение.

В отапливаемой части дома имелись две крошечные ком-

наты. В дальней – очевидно, принадлежащей Алле Михайловне, – пахло сердечными лекарствами и старостью. Небольшой иконостас, полный новодельных икон; вдовья кровать, телевизор, книжные полки с дешевыми романами...

Во второй комнате размещалась двуспальная кровать, шифоньер и еще один телевизор, побольше. Здесь, похоже, проживали Стас и Елена, когда навещались к матери.

– Выбирайте, какая из комнат вам больше по душе. Мы-то со Стасом сегодня вечером уедем – у нас дела в городе. А Ванечка заночует на веранде и уедет завтра на электричке. Еду я вам оставлю в холодильнике – а может, кое-что успею приготовить. Я накупила всего вдоволь. Пойдемте, Валерий Петрович, я покажу вам, как обращаться с котлом, с водой и другой нашей техникой.

Они осмотрели котельную, совмещенный санузел с душевой кабиной. Малюсенькая кухня была оснащена по-городскому: электроплитой, микроволновкой и посудомоечной машиной.

Елена демонстрировала Ходасевичу покои с плохо скрываемой гордостью:

– Ванную и котельную к этому дому мы сами пристроили, вдвоем со Стасом. Когда поселок газифицировался – еще в советские времена. Как мы материалы тогда доставали – это отдельная песня. Но зато когда мама на пенсию ушла – смогла поселиться здесь со всеми удобствами... Ну, устраивай-

тес, а я побежала к Любочке помочь на стол накрыть. Приходите к трем, вместе со всеми. И не вздумайте манкировать – обидите и меня, и Любу.

– Здесь где-нибудь магазин есть?

– А что вы хотите купить?

– Неудобно являться в гости с пустыми руками.

– Да что вы, Валерий Петрович! Я приготовила Любе подарок – как бы от всех от нас.

– И все-таки?

– Но вы имейте в виду: Любочка сейчас совсем не пьет. Поэтому – никаких бутылок. У нее и день рожденья будет безалкогольным.

– Я учту.

– Все магазины, а также почта и аптека, у нас в Листвянке расположены на станции. А дойти туда просто: наша улочка тупиковая. Если пойдете из калитки направо – через два дома уткнетесь в забор. Поэтому отправляйтесь налево – и через два дома выйдете на центральную улицу, асфальтированную, она называется Советская. Мы по ней ехали. По ней шагайте направо. И никуда не сворачивайте. Минут через пятнадцать упретесь в станцию. Там центр здешней цивилизации.

– Благодарю вас.

– Что ж, идите, если вы не устали с дороги. Только на цветы для Любочки не тратьтесь: она терпеть не может, когда ей срезанные цветы дарят. «Зачем, – говорит, – деньги перево-

дить. У меня их на участке полно».

Полковник вышел за калитку, закурил по-новой и задумался.

«Итак, вечером в среду Алла Михайловна куда-то отправилась. Отсутствовать она собиралась явно недолго, потому что ничего не сказала вездесущей соседке и оставила ключи от своей избушки у порога под половичком. Если, конечно, Любочка – а она, кажется, большая хитрованка, эта пятидесятилетняя кокетливая Любочка! – не врет... Допустим, что она не врет... Куда Алла Михайловна могла собраться на ночь глядя? На станцию – в магазин или в аптеку? Хватилась, что нет хлеба или кончились лекарства? Самое простое объяснение часто бывает самым верным... А по пути она что-то увидела. Или ей кто-то встретился... И эта встреча оказалась для нее роковой...»

Ходасевич затворил калитку. Налево, в перспективе улочки, виднелась пересекавшая ее асфальтовая дорога. Время от времени по ней проезжала легковушка или грузовик, проносился велосипедист. То была пресловутая Советская – главная улица поселка. Она казалась оживленной в отличие от того тупичка, куда выходила калитка Аллы Михайловны.

Если с пенсионеркой случилось неладное, велика вероятность, что на нее напали не на людной трассе, а именно здесь,

в тупике. Тут ни души, а в пору, как она вышла из дома, уже и смеркалось к тому же.

От долининской калитки Ходасевич повернул не налево, в сторону бойкой (по дачным меркам) Советской, а направо, в сторону тупика. Шел он медленно, внимательно глядя под ноги и по сторонам. Улочку никогда не мостили, и под ногами расстилались вперемешку разбитый щебень, трава, лужи. Она оказалась столь узкой, что на ней едва ли могли разъехаться две автомашины.

Через пятнадцать шагов кончился синий, линиялый, слегка завалившийся забор, ограждавший участок Аллы Михайловны. Следом начинался деревянный забор коричневого цвета. Он оказался раза в полтора выше, и был стройным, новеньким. Большие аккуратные буквы на нем гласили: «Ул. Чапаева, д.6». Кусты вдоль коричневого забора не росли, трава была аккуратно пострижена. А вплотную к забору стоял ни много ни мало джип «Рейнджровер».

Из-за забора донеслась гортанная речь. Полковник прислушался. Кажется, говорили по-таджикски. Этот язык Ходасевич в отличие от большинства европейских знал весьма приблизительно. Ухо выхватило пару знакомых слов. «*Мальчик...*» Потом еще одно: «*не вернулся*». Ответом на них была тирада, в которой полковник не понял ни слова. Он еще немного послушал, но это ровным счетом ничего не дало, а вскоре таджикский разговор стих. Донеслось гудение бетономешалки и скрежет и шлепки лопат.

Коричневый забор, за которым хозяйничали восточные люди, тянулся долго, шагов семьдесят, и сменялся оградой серого цвета. На сером висела аккуратная чеканка: «Улица Чапаева, дом 7—8». В отличие от предыдущего хозяина здешний жилец отнюдь не заботился о примыкавшей к его участку территории. Она вся заросла кустарником и березовым подростом. За забором тоже виднелись беспорядочно стоящие, словно в лесу, деревья. Где-то в глубине участка сквозь них проглядывал силуэт старого дома. Надо поговорить со здешним жильцом, сделал себе зарубку на память Ходасевич.

Участок «7—8» являлся тупиковым. Серый забор совершал излом, преграждал улицу, тянулся поперек нее, а затем поворачивал опять под прямым углом обратно и подковой продолжался по противоположной стороне. Неизвестно, какую в точности площадь занимал данный блатной участок, но очевидно было, что хозяева землю свою не ценят: насколько мог видеть полковник из-за серого забора, вся территория заросла лесом.

Валерий Петрович развернулся спиной к тупику, лицом к видневшейся вдали оживленной улице Советской. Посмотрел на следующий участок, по правую руку от него. Там продолжалось лесное буйство. Но если предыдущее владение, гигантское тупиковое «7—8», имело, несмотря на заросли за забором, все-таки отчасти обустроенный вид, то следующее (очевидно, с адресом «Чапаева, 5») оказалось полностью за-

брошенным. Гнилой забор покосился. Одна из его секций валялась на земле. Прямо за нею на участке высилась импровизированная свалка. В огромной куче валялись пластиковые пакеты с мусором, пустые бутылки, старые оконные рамы и даже скелет «Запорожца». Среди деревьев виднелся нежилой дом – окна частью выбиты, кое-где заткнуты фанерками или старыми подушками.

Однако из трубы – вероятно, от буржуйки – тем не менее курился дымок. Вполне вероятно, брошенное жилище облюбовали бомжи.

Следующий участок по нечетной стороне – если следовать по направлению к оживленной дороге – носил номер три. Он находился через улочку от владений пропавшей Аллы Михайловны – ровно напротив. Его ограждал самый внушительный в переулке забор – бетонный, вышиной около четырех метров. Верх забора был украшен железными пиками, выгнутыми наружу. Ограда тянулась по фасаду, а также со стороны соседского, заброшенного участка. Что происходило за нею, какие строения и сооружения скрывали негостеприимные стены, разглядеть не было никакой возможности. Вдобавок передняя часть забора выступала вперед от установленной линии домов едва ли не на два метра, превращая в этом месте и без того неширокий переулок Чапаева в узкую тропинку.

Калитки в бетонном заборе не было – лишь въезд в гараж, огражденный автоматическими стальными воротами.

Над въездом утнездилась малоприметная видеокамера наружного наблюдения. Ходасевич подумал, что было бы любопытно посмотреть, что она записала во второй половине дня в минувшую среду.

И, наконец, завершал – или, точнее, начинал переулочек (по нечетной стороне) дом под номером один. Он оказался в тупике самым соразмерным: не большим и не маленьким, не чрезмерно аккуратным и не заброшенным.

Забор возвышался ровно настолько, чтобы скрыть от любопытствующих происходящее на участке и оградить его от нашествия воров-дилетантов – однако не был столь вызывающе высоким, как у соседа. В глубине участка, под сенью двух огромных сосен, виднелась аккуратная крыша из красной металлочерепицы. За забором слышался лай собаки, детский смех и журчание воды из шланга. Владение, судя по внешнему виду и звукам, доносившимся из-за ограды, являлось олицетворением безмятежного дачного счастья. Несмотря на всю условность такой оценки, если бы полковник мог выбирать, где ему здесь поселиться, он выбрал бы именно этот дом.

А напротив него, по четной стороне, располагался участок, с хозяйкой которого Ходасевич уже был знаком. В этом владении, крайнем в переулке Чапаева, на границе с центральной улицей, проживала художница Любочка. Как там, бишь, ее фамилия? Да, Перевозчикова... Ее жилье производило столь же двойственное впечатление, что и она сама.

С одной стороны, несомненный ум и даже некий аристократизм – а с другой – небрежность и запущенность. Любочкин дом ограждал забор из сверкающего на солнце гофрированного железа – а сразу за ним высилась деревянная, даже не крашенная, глухая стена без единого окна. Меж брусьев, из коих был сложен дом, торчали пуки пакли. Косая железная крыша, покрывавшая дом, когда-то была крашена в щегольской алый цвет – но со временем краска потускнела, а кое-где осыпалась.

По главной улице медленно проехал джип. Его бритый водитель внимательно осмотрел полковника, стоящего на углу Советской и переулка Чапаева. Навстречу джипу пронесся велосипедист – седой мужчина в фирменном спортивном костюме. Следом пролетела «шестерка» с шашечками на крыше и длинной антенной.

Улица Советская была полна жизни.

А вместе с тем в переулке Чапаева во все то время, пока там бродил Валерий Петрович, не появился ни один человек, не проехала ни одна машина. Никто туда не свернул. Переулок казался мертвым царством. И если что-то случилось здесь... Да, если что-то случилось здесь, вряд ли кто-то со стороны мог видеть это «что-то». Тупик готов был ревностно хранить свои секреты.

Между тем по Советской, притормаживая на «лежачих полицейских», проехала «Тойота Королла». Прошла – видимо, возвращаясь со станции – немолодая женщина с сумкой

и тележкой на колесиках. Проехал кавказец на старом велосипеде.

Если Алла Михайловна тогда, в среду, благополучно добралась до Советской, вряд ли она могла исчезнуть с главной улицы поселка незамеченной. Если она, конечно, отправилась затем не на станцию, а в какой-то другой медвежий угол. И если она *благополучно вышла* из переулка имени Чапаева.

Полковник всегда верил в свою интуицию – правда, никогда рабски не следовал за ней. Отдавал предпочтение логике и фактам. Однако сейчас его интуиция прямо-таки вопила: *«Разгадка исчезновения Аллы Михайловны кроется здесь, в переулке!»*

Ходасевич достал из кармана блокнот и набросал для памяти схему переулка.

Затем полковник спрятал блокнот с карандашом в карман и отправился по Советской направо – в сторону станции.

Издали донесся тонкий свисток электрички.

В переулке Чапаева по-прежнему не было ни души.

В продуктовом магазине на станции Ходасевич приобрел двухсотграммовую железную банку чая – лучшего из имевшихся. Он знал не понаслышке, сколь пристрастны люди, завязавшие со спиртным, к будоражащим напиткам безалкогольного происхождения. К чаю он присовокупил узбекскую

дыню, похожую на постаревший, морщинистый регбийный мяч. Дыню ему продал из своего решетчатого загончика седой кавказец.

Помимо бакалейной и бахчевой торговли возле платформы Листвянка процветало прочее торжище.

На железных рядах базарчика продавали овощи-фрукты, на треть дороже московских. Здесь же можно было отовариться сигаретами, обувкой, полотенцами, постельным бельем.

В киоске, нанизанные на вертел, вертелись поджаренные куры.

Бабушки, выстроившиеся вдоль продуктового магазина, торговали саженцами, свежесобранными опятами и квашеной капустой. В центре площади два маршрутных такси поджидали, пока дополна наполнятся пассажирами.

Полковник подумал, что, пожалуй, трудновато исчезнуть бесследно в столь шумном и людном месте. Равно как и с улицы Советской, где постоянно снуют пешеходы, велосипедисты и автомобили. Ему отчего-то вспомнился шифровальщик нашего посольства в Варшаве, сгинувший из-под постоянного наблюдения в многолюдном кинотеатре. Правда, тот *сам ужасно хотел исчезнуть* – чтобы вынырнуть потом в объятиях ЦРУ. Но, может, Алла Михайловна тоже сама *желала исчезнуть*? Стоп-стоп. Для того чтобы сделать подобный вывод, у Ходасевича пока явно не хватало данных.

Покуда ему лучше умерить *дедукцию* вместе с *индукцией*

и выключить до поры *соображалку*. Пока что у него – время накопления информации. А то и просто время бездумного наслаждения солнечным днем позднего бабьего лета.

И он сказал себе: «Ты просто возвращаешься на дачу, небрежно помахивая пакетом с узбекской дыней, а светило нежно припекает лысеющий и седеющий твой затылок...»

И постарался забыть обо всем.

Любочка накрыла в саду.

На пластиковом столе теснились простые русские закуски: винегрет, оливье, холодец, горы пирожков. Вокруг, прямо на траве, размещались разнокалиберные стулья – от пластмассовых до гнутых венских. И только полное отсутствие выпивки отличало Любочкин день рождения от традиционного празднества. Вместо водки и вина трапезу украшали кисель в кастрюле, минералка и самодельные соки в трехлитровых банках.

Ходасевич и его наниматели явились все вместе, словно образцовая семья. Чай и дыня, презентованные полковником, были приняты хозяйкой весьма благосклонно.

– О, Валерий Петрович! – протянула Любочка. – А вы точно знаете, что нужно измученной женской душе!

Было очевидно, что художница не прочь для начала хотя бы пококетничать с новым мужчиной. А дальше – как бог

даст...

Елена от имени семьи преподнесла соседке набор разнокалиберных антипригарных сковородок.

– Чудесно! – саркастически осклабилась хозяйка. – То есть ты хочешь сказать, что ни на что больше, кроме как ведение домашнего хозяйства, я уже не гожусь!

– Люба, Люба! – тихо, по-домашнему, урезонил ее стоявший рядом Стас.

Ходасевичу отчего-то показалось, что между Стасом и Любой существуют (или были некогда) *особые отношения*. Интересно, прав ли он? И если да, знает ли о том Елена?

В ответ на замечание Стаса художница словно стряхнула с себя морок и рассыпалась перед Леной:

– Ах, извини, я с этими пирогами так устала, поэтому сама не знаю, что несу. Конечно, чудесный подарок. Очень мне пригодится. Спасибо.

И она запечатлела на щеке Елены поцелуй.

Кроме хозяйки, в саду уже находился один гость. То был довольно молодой, лет тридцати семи, мужчина. Его лицо, некогда точеное, словно у римского императора, уже расплылось. Солидное брюшко нависало над ремнем. Голова наполовину поседела.

Лена представила ему полковника:

– Это – Валерий Петрович, друг нашей семьи.

Судя по острому взгляду, которым его одарил гость, Ходасевич понял, что тот уже в курсе, кто он такой и чем за-

нимается в Листвянке. Что ж, тем лучше. Статус частного сыщика позволяет задавать много вопросов, в том числе и нескромных.

– Елистратов. Василий, – гость жестко, словно клешнями, сжал лапу полковнику.

– А по батюшке как вас величать? – кротко переспросил Ходасевич.

Сосед отвечал со смехом:

– О, для вас я просто Василий!

– И все-таки?

Знать полное имя контрагента никогда не помешает. Легче наводить справки.

– У меня, как и у вас, отца звали Петром, – церемонно поклонился гость. И вполголоса обратился к Стасу: – Всем хорош стол у нашей соседушки, да вот беда: расслабиться тут нечем. Пьянству – бой! Пришлось по такому случаю у себя дома разгоняться.

– А я сегодня в Москву возвращаюсь, поэтому ни-ни. Гаишники, говорят, совсем озверели. До тысячи долларов за запах берут.

Увидев, что между Стасом и Василием завязался мужской разговор, Лена взяла полковника под руку и увлекла в сторону.

От порыва ветра зашумела ветвями береза над головой. Рой золотых листьев сорвался с нее и медленно осел в траве.

На участке Любочки, как и у Аллы Михайловны, возвы-

шались лесные деревья, не имелось никакого огорода, а газон был аккуратно пострижен.

Елена тихо пояснила Ходасевичу:

– Василий – наш сосед справа. – Она, кажется, на сегодняшний вечер выбрала полковника на роль своего конфиденанта. – Любочка, как видите, живет от нас с одной стороны, а этот – с другой. Ему участок от отца достался – лет десять назад. Васька тогда был гол как сокол. Кассетами на рынке торговал. Все в кроссовочках ходил, на электричке ездил. А потом вдруг приподнялся. Со старой женой развелся, молодую себе взял. Начал новый дом строить. Чурок-строителей в старый дом поселил, теперь на выходные приезжает проверять, что они тут натворили. Ездит на «Рейнджровере» и все таджиков своих материт, аж звон стоит.

– Каким же бизнесом Василий занимается? – любопытствовал полковник.

– Разное болтают. А толком никто ничего не знает. Кто говорит, что ему к трубе удалось припасть. Кто – будто он обналичкой ведает. А другие утверждают, что он с наркомафией связался...

– Вот как? – поднял бровь Ходасевич.

– Да врут, наверное... Главное, денег у Васьки теперь, как у дурака махорки. Куда девать, не знает. Даже к матери моей несколько раз подъезжал: продайте, мол, мне свой участок. «Я, – говорит, – вам в полтора раза больше заплачу, чем риелтор его оценит. Скажут двести тысяч – я вам триста дам».

– А что ваша мама?

– Она, конечно, ни в какую. Для нее эта дача была как жизнь, как глоток свежего воздуха! Она бы ее ни за какие деньги не продала.

– А вы?

Елена словно споткнулась.

– Что – я?

– Вы – продадите?

– На что вы намекаете?

– Ни на что не намекаю. Я прямо говорю: наследница вашей мамы – вы. И если ее нет в живых, вам, Лена, придется участком распоряжаться.

Елена ослабилась.

– А вы, товарищ полковник, все *мотив* ищете!..

Валерий Петрович промолчал.

– Думаете, Вася мог на мою мать руку поднять? Чтобы потом у меня ее участок сторговать?

Ходасевич пожал плечами:

– В жизни все бывает, дорогая Елена.

Они обошли по периметру участок художницы и возвратились к накрытому в саду столу.

Там уже нарисовались новые гости.

Первым оказался старичок-бодрячок: мохнатые седые брови и венчик седых волос, обрамлявших крупную загорелую лысину. В дачных условиях, конечно, все гости были одеты далеко не в смокинги, однако *прикид* лысого старичка

затмевал всех: линялые штаны – очевидно, купленные лет тридцать назад в магазине «Рабочая одежда», байковая ковбойка времен дружбы с председателем Мао, а поверх нее выцветшая брезентовая штормовка.

Елена успела вполголоса пояснить полковнику:

– Это Ковригин, пианист. Живет на двух участках – семь-восемь. У него там чуть ли не гектар неухоженный, весь лесом зарос. Он на своем участке грибы собирает. Скрыга жуткий...

И с радостной улыбкой обратилась к старичку, протягивая к нему обе руки:

– Анатолий Васильевич! Сколько лет, сколько зим! Как вы поживаете?

Глазки старичка залучились. Он схватил протянутые к нему ручки и покрыл их поцелуями.

– Леночка! Счастье мое! Как я рад тебя видеть! У меня и для тебя подарочек приготовлен!

Ковригин слазил за пазуху своей брезентухи и вытащил оттуда CD-диск. С обложки торжественно сиял он сам – лысой физиономией, белой манишкой и черным смокингом. Поперек обложки уже красовалась сделанная красными чернилами дарственная надпись.

– Это моя последняя запись, – лопааясь от гордости, провозгласил музыкант.

– Спасибо, дорогой Анатолий Васильевич!.. А это, познакомьтесь, Валерий Петрович, полковник. Он друг нашей се-

мьи и немного поживет в нашем доме.

Пианист настороженно протянул Ходасевичу ладошку.

– Валерий Петрович частный сыщик, – пояснила Елена, – и попытается отыскать мою маму.

В глазах Ковригина – Ходасевич готов был поклясться – промелькнул оттенок страха и даже паники. Однако музыкант тут же постарался скрыть свои чувства за неискренней улыбкой.

– Очень, очень приятно! Милости прошу ко мне в гости, в любое время дня и, как говорится, ночи.

– Анатолий Васильевич, – почтительно пояснила Лена полковнику, – заслуженный артист России, заслуженный деятель искусств, лауреат многочисленных всесоюзных, все-российских и международных конкурсов.

– Почту за честь знакомство с вами, – коротко поклонился Ходасевич.

Хозяйка, художница Люба, подвела к ним еще двоих гостей. Ими оказалась парочка. Холеная дамочка лет тридцати держала под руку сорокалетнего мужчину. Мужчина, сухощавый и в очочках, был похож на осетра. Женщина с ухоженным лицом и в черных очках сверкала бриллиантовыми серьгами.

– Это мои соседи напротив, – пояснила Любочка.

– Проживающие по адресу: Чапаева, один? – любезно поинтересовался Ходасевич.

Любочка воскликнула со смехом:

– О, да вы, Валерий Петрович, здесь уже все знаете! Что значит – частный детектив! Может, вы уже в курсе, как ребят зовут?

– Никак нет.

– Тогда представляю вам – Андрей Ильич Марушкин и Оля... Оля... Извини, ни отчества твоего, ни фамилии я не знаю...

– Это совершенно неважно, – царственно пожала плечами соседка, обращаясь к полковнику. – Зовите меня просто Оля.

Валерий Петрович вспомнил детский смех, раздававшийся часом ранее из-за забора дома номер один, и решил схулиганить. Отчего-то ему показалось, что его выходка должна произвести впечатление и на Любочку, и на важную Олю.

– А с кем вы оставили вашего ребенка? – осведомился у парочки полковник.

Марушкин и Оля переглянулись и дружно нахмурились.

– Ребенка? – ледяным тоном спросила Ольга. – Моего ребенка? Она сейчас спит. Дети должны спать днем, знаете ли.

Неловкий момент прервала Любочка. Она захлопала в ладоши и закричала:

– А теперь – к столу! Всех прошу к столу!

Гости, обитатели улицы Чапаева, воодушевленно потянулись к стоящему на траве столу. На него уже успело нападать с березы несколько огненно-рыжих листочков.

Разошлись довольно рано. Сидеть на улице оказалось довольно холодно – особенно после того, как зашло солнце. К тому же отсутствие спиртных напитков отнюдь не способствовало сугреву, расслаблению и сплочению общества. Последовало несколько довольно формальных тостов, перевозивших талант и добропорядочность именинницы. Гости отдали должное яствам, ею приготовленным – оказавшимся, без дураков, очень вкусными. И уже около шести все засобирались по домам.

Лена помогла хозяйке прибрать со стола и вымыть посуду – а в семь она, вместе с мужем, уже погрузилась в «Мицубиси» и отбыла в город. Иван, оставшийся на даче, тут же куда-то умотал. Он клятвенно пообещал и маме, и полковнику, что явится не позже одиннадцати.

Валерий Петрович уселся на веранде нового обиталища и открыл блокнот. Он прекрасно осознавал, что со двора виден весь как на ладони, но намеренно не ушел внутрь дома. Почему-то он был уверен, что нынешний вечер еще далеко не закончен.

Схему улицы Чапаева, сделанную днем, теперь появилась возможность значительно пополнить.

Дом № 2 Художница Любочка Перевозчикова	Улица Чапаева	Дом №1 Андрей Ильич Марушкин Оля Дочь Оли Детский смех
Дом № 4 Алла Михайловна Долинина Ее дочь Елена Зять Стас Внук Иван		Дом №3 Куркуль за бетонным забором
Дом № 6 Василий Петрович Елистратов, внезапно разбогатевший бизнесмен Таджики		Дом № 5 Заброшенный Возможно, бомжи
Дом № 7—8 Заросший лесок Анатолий Васильевич Ковригин, пианист и лауреат.		

В соседях у исчезнувшей Аллы Михайловны были внезапно разбогатевший бизнюк Василий Елистратов – именно ему строили новый дом таджики, а также пианист, лауреат и скряга Анатолий Ковригин. О проживающих напротив художницы, в доме номер один, Марушкине и его сожитель-

нице Ольге Лена ничего полковнику не успела рассказать. Кроме того, осталось неизвестным, кто проживал за колоссальным бетонным забором в доме пять – на дне рождения Любочки он не появился и разговора о нем не заходило. А также кто жил в доме номер три.

Ходасевич выписал в блокнот в столбик:

Любовь Перевозчикова

Василий Елистратов

Анатолий Ковригин

Андрей Марушкин

Едва Ходасевич покончил со списком, в дверь веранды постучали. Полковник захлопнул блокнот и поплелся открывать.

Глава 4

На пороге стояла Любочка.

Валерий Петрович несколько не удивился. Почему-то он не сомневался, что нынче вечером она к нему пожалует.

В руках художница держала две тарелки, прикрытые фольгой.

– Я пришла к вам, чтобы... – начала она, однако полковник решительно прервал ее и, распахнув дверь настежь, сделал приглашающий жест:

– Прошу!

– Я только на одну минуту... – постаралась объяснить Любочка, но Ходасевич мягко взял у нее тарелки и поставил их на стол, стоящий посреди веранды. Запахло свежей выпечкой. Полковник обволакивающе сказал:

– Позвольте ваше пальто и, ради бога, проходите. Я собирался выпить кофе, и вы очень меня обяжете, если составите мне компанию.

– А я как раз принесла вам пирожков. Вы тут совсем один, за вами и поухаживать некому...

Валерий Петрович улыбнулся – сама галантность:

– Раз уж вы у меня в гостях, позвольте *мне* ухаживать за *вами*. Разрешите ваше пальто. Разуваться, пожалуйста, не надо.

– А Аллочка всегда просила меня надевать тапочки...

Ходасевич отвечал весело:

– Теперь здесь хозяин я, пусть и временный, и жить мы будем по *моим* правилам. Присаживайтесь, я поставлю кофе.

Вечерний неожиданный визит женщины несколько не взволновал полковника. Вот будь он на четверть века помоложе... Или Любочке хотя б на десять лет поменьше... А так... Уровень тестостерона в крови достиг, пожалуй, минимальнейших значений за всю его жизнь. И женское кокетство его больше не возбуждало, а лишь радовало как одно из проявлений жизни – вроде звездного неба над головой и шума сосен в вышине.

Не мешает, конечно, опросить Любочку в неформальной обстановке. Поговорить с ней не спеша о пропавшей Алле и их взаимоотношениях. Разузнать возможные тайны прочих обитателей улицы Чапаева.

Ходасевич включил электрический чайник, поставил на стол два прибора.

– Хотите, я научу вас пить кофе по-киргизски?

Художница улыбнулась всеми своими морщинами.

– Это как? С кумысом?

– Отнюдь. Кладете в заварной чайник пару ложек чая и одновременно засыпаете такое же количество кофе...

– Кофе растворимый или натуральный?

– Все равно... Затем заливаете смесь горячей водой. Укутываете чайник и настаиваете несколько минут.

– Хм, забавный рецепт. Давайте рискнем.

– Единственное, чем рискуют потребители киргизского кофе: не уснуть до утра.

– Что ж, – кокетливо засмеялась Любочка, – я уже нахожусь в таком возрасте, когда *не спать до утра* может мне только понравиться.

– Да, – индифферентно пробормотал полковник, не откликаясь на кокетство, – порой бессонные ночи приносят важный жизненный опыт.

– Не сомневаюсь! – расхохоталась художница. – Я думаю, *у вас* опыт бессонных ночей богатейший. Было бы интересно, если бы вы, товарищ полковник, им поделились.

– Опыт опыту рознь... – с напускной рассеянностью проговорил Валерий Петрович, уходя от излишне интимного разговора.

Он разлил по чашкам киргизский кофе. Станный, смешанный кофейно-чайный запах разнесся по веранде.

Ходасевич задал неожиданно резкий вопрос:

– Вы скучаете по своей подружке?

Любочка встрепелась:

– По Алле?.. Ну, да, естественно.

– Скажите, Люба... В последнее время вы ведь часто встречались с Аллой?..

– Не то слово... Мы виделись с ней каждый день... Да порой несколько раз в течение дня...

– Вы не замечали в ее поведении чего-то необычного? Может, она была чем-то обеспокоена? Или делилась с вами

определенными опасениями?

Художница повела головой – то ли припоминая, то ли обдумывая, как уйти от ответа. Сказала, снимая с тарелок фольгу:

– Угощайтесь, Валерий Петрович. Пирожки моего собственного приготовления. Здесь с капустой, а тут с вареньем. На дне рождения, я заметила, вы их практически не ели. Не понравились?

– Очень понравились. Просто на столе было много других вкусных вещей. Уж поверьте мне, я в еде знаю толк, – полковник выразительно похлопал себя по объемистому животу. – Поэтому и пирожки ваши отведать не премину. Спасибо за заботу... И все-таки вернемся, если позволите, к Алле Михайловне. Было в ее поведении в последнее время что-то необычное?

Любочка решительно кивнула.

– Было.

Ходасевич понял, что соседка готова поделиться с ним сокровенным. Потому не стал торопить ее, задавать наводящие вопросы. Просто сидел и прихлебывал чайный кофе (или кофейный чай?).

– Лена рассказывала вам, – спросила художница, – *что* случилось с ее отцом? С мужем Аллы Михайловны?

– Нет. Сказала только, что он умер много лет назад.

– Это не совсем правда.

– Что сие значит?

– Лена не любит говорить о случившемся. И не любит, когда другие рассказывают об этом посторонним. Но в данном случае, полагаю, вы имеете право знать. Тем более, мне кажется: то, что произошло когда-то с Аллочкиным мужем, имеет отношение к нынешним событиям.

Любочка задумалась, собираясь с мыслями.

В резком электрическом свете стало видно, что годы и болезнь (а алкоголизм Ходасевич считал, бесспорно, болезнью) не пощадили ее. Лена шепнула ему во время торжества, что соседке сегодня исполнилось пятьдесят три. Однако выглядела она на все шестьдесят: тяжелые носогубные складки, множество морщин, склеротические красные пятнышки на коже, тусклые волосы, высохшие узловатые руки.

– Это случилось, – начала Любочка, – лет пятнадцать назад. Тогда Алла еще работала в своей газете, хотя ей уже платили гроши. А муж ее, Иван Иванович, к тому времени вышел на пенсию. Он был старше ее лет на пять, к тому же трудился на вредном производстве, вот и отправили его на заслуженный отдых...

– Иван Иванович? Вероятно, в честь него и внука назвали – Иваном?

– Да, его и Алла, и дочь Лена очень любили и уважали. Веселый такой дядька был, красивый и рукастый...

– Вы сказали, что он трудился на вредном производстве? Кем же он был?

– Метранпажем.

– Вот как?

– Вы знаете, кто это?

– Да. Выпускающий редактор в газете.

– Bravo, Валерий Петрович! Вам пятерка по знанию КЗО-Та... Да, они когда-то с Аллочкой в типографии познакомились...

– Что же с Иван Ивановичем случилось?

– Это было в году девяносто втором... Нет, еще в девяносто первом... Где-то в ноябре или декабре... Помните, какие времена тогда жуткие были?

Полковник, честно говоря, не очень-то помнил. Тогда как раз заканчивалась его командировка в Брюссель – последняя, как оказалось, командировка. Однако он кивнул. Пустые прилавки советских магазинов тогда часто показывали по западным каналам. И еще – все собирали для русских гуманитарную помощь.

А Любочка продолжала:

– Аллочка с Иваном материально жили плохо. Пенсия у него была мизерная, Алла тоже получала всего ничего. И Елена со своим Стасом тогда с хлеба на воду перебивались, Ванечка у них был маленьким, поэтому финансово родителям они помогать никак не могли. И Алла с мужем решили, что Иван Иванович будет круглый год проживать на даче. Здесь, в Листвянке. Тем более что условия позволяли. Теплый красивый дом, горячая вода... Им казалось, что, проживая вне города, они сэкономят. Да ведь и вправду на земле

жить экономически выгодней, чем в столице... Они в тот год все здесь засеяли: и ягодой, и картошкой, и свеклой. И даже курей завели. Иван Иванович склотил прямо у моего забора курятник – он вообще мастер на все руки был, – и они туда несушек завезли. Многие хохлатки передохли из-за того, что соседи ухаживать за ними не умели, но какие-то выжили, поэтому у них и яйца были, и курятина... Иван Иванович, значит, здесь постоянно проживал. Исполнял роль птичника, за прочим хозяйством следил, а Аллочка к нему из города наезжала – обычно на выходные, но иной раз и в будни выбиралась... И вот в один прекрасный день... Ходасевич, вы ведь курите? – вдруг прервала себя художница.

– К сожалению.

– Тогда пойдемте на крыльцо, подышим. Спасибо, кстати, за кофе. Очень бодрит. Надо срисовать у вас рецепт.

Парочка вышла на крыльцо. Свет, падающий сквозь огромные окна веранды, высвечивал кусок газона, расположенные вокруг дома цветы в горшках, а также куст гортензии. Дальше участок терялся во мгле.

Валерий Петрович щелкнул выключателем. Зажегся прожектор, висящий на сосне. Участок осветился мертвенным светом. Из тьмы выросли яблони и кусты шиповника и сирени. Они отбрасывали чернильные тени.

– Ой, не надо, потушите, – поморщилась художница. – Свет какой-то неживой.

Ходасевич послушно вырубил электричество. Темнота

немедленно придвинулась к крыльцу, сделала дом еще уютней.

Подул прохладный ветер. Деревья-великаны, обступившие дом, таинственно прошумели во тьме своими вершинами. Где-то далеко пропела электричка. По Советской протарахтел грузовик. Вечерний холод заставил художницу зябко поежиться. На ясном безлунном небе рассыпались ледяные звезды.

Любочка жадно закурила.

– На чем я остановилась?..

Валерий Петрович прикуривал и не отзывался. Да и не потребовалось.

– Ах, да!.. В один прекрасный день – то было зимой и посреди рабочей недели – супруг Аллочки, наш дорогой Иван Иванович, проживавший на этой самой даче, *исчез* ...

Художница сделала эффектную паузу – ждала, что Валерий Петрович прореагирует на сообщение, однако не дождалась и продолжила:

– Аллочка приехала сюда из Москвы, как между ними было заведено, в пятницу вечером. На станции – никого. Иван Ивановича нет – а ведь он встречал ее всегда у электрички, что в восемь пятнадцать приходит. Ну, мобильников тогда ни у кого еще не было, одни только *малиновые пиджаки* с ними шлялись, Алла подождала, подождала – да одна, с сумками, с продуктами потащилась домой... Добрела кое-как – а здесь, на даче, пусто. Свет в доме не горит. Дверь заперта... Ну,

Алла открыла своим ключом (у нее, на всякий случай, с собой имелись запасные ключи от дачи). Дома никаких следов мужа. Все на своих местах. Чистенько, прибрано. Иван Иванович вообще большой аккуратист был... Да вот только... Его самого нет как нет! Словно корова языком слизала... Дайте мне еще одну сигарету – что-то я разволновалась...

Ходасевич молча протянул ей пачку «Опала».

– О, старая школа!.. Болгарские сигареты. Сто лет их не курила.

Полковник поднес ей огня.

Любочка затянулась и закашлялась.

– Ох, кислятина... Простите... Словом, Алла тогда, разумеется, распахивалась... Побежала звонить – в ту пору у Ковригина, у пианиста нашего, уже был на даче московский телефон. И он, единственный тогда, кроме Иван Иваныча, здесь, на Чапаева, зимой проживал. Сам Ковригин ничего не знал, не ведал... Он ведь у нас совсем на отшибе живет... Алла позвонила дочке, Лене. Но ни она, ни Стас ничего, естественно, про Иваныча не знали. Потом Аллочка начала всех друзей мужа обзванивать... Все без толку, его нет нигде... Потом, уже наутро, она пошла заявлять в милицию... Заявила, а сама, вместе с дочкой и Стасом, подняла на ноги всех соседей, кто здесь жил или на выходные приехал... Народ принялся Листвянку обшаривать, окрестные леса обошли... В общем, искали Иваныча долго... И вот, прошло уже много лет – бог ты мой, почти пятнадцать! – а

ведь его *так и не нашли...До сих пор...*

Любочка махнула рукой. На ее худенькое лицо вдруг упала тень усталости. Словно рассказ отнял у нее много сил и она вдруг в один момент сдулась, как шарик. Привалилась плечом к балясине крыльца, с силой затянулась.

Полковник поинтересовался:

– А потом? Хотя что-то стало известно об обстоятельствах его исчезновения?

Художница развела руками.

– Ни-че-го. Ивана Ивановича больше *никто, нигде, никогда* не видел. Спустия сколько-то лет – не помню, сколько там положено по закону – его, как без вести пропавшего, признали умершим. Однако никто не видел его тела, и никто не представляет, что же с ним случилось на самом деле...

Полковник поглядел на нее в упор.

– А вы сами, Люба, были очевидицей тех событий?

Та невесело засмеялась:

– Что, считаете меня одной из подозреваемых? Во всех исчезновениях – чохом?

Ходасевич пожал плечами:

– Просто хочу увидеть картинку происшедшего – вашими глазами. У вас ведь, должно быть, хорошая зрительная память... Профессиональная... В какое время года это случилось?

– Зимой... По-моему, в конце ноября. Или в самом начале декабря... Во всяком случае, снег уже лежал... Да! Это было

вскоре после ноябрьских праздников... Тогда Лена привезла сюда маленького Ванечку, и он еще здесь несколько дней вместе с Иван Ивановичем прожил... Потом Ванечку забрали... А вскоре Иван исчез... Но меня ведь тогда в Листвянке не было. Я и узнала-то о случившемся с Иванычем, наверно, только через неделю после того, как он пропал, когда мне Алла позвонила...

– Следы... – задумчиво проговорил Валерий Петрович.

– Что – следы?

– Раз тогда уже лежал снег... А в ту пору, наверно, улицу Чапаева не чистили...

Художница усмехнулась:

– По ней и сейчас-то грейдер проходит раз в год по обещанию...

– Значит, от Ивана Ивановича должны были остаться следы на снегу...

– Ох, не думаю, что нашелся тогда такой следопыт, Кожаный Чулок, как вы, чтобы с лупой следы по Чапаева выискивать... Да и не знаю я таких подробностей. Я ж говорю: я в те времена зимой на даче не жила, не было у меня для того условий...

– А сейчас? Что, эти условия появились?

Художница невесело рассмеялась:

– Условия – нет. Появилась безысходность. Нет у меня сейчас другого выбора, кроме как круглый год жить на даче, с удобствами во дворе... Ладно, Валерий Петрович, пойдем-

те в тепло... У вас, вон, уже губы посинели...

– Да, верно.

Они вернулись на веранду. Здесь было тепло и пахло пирогами и кофе.

Ходасевич, как радушный хозяин, предложил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.